

3-00

01
Г-77

Л.М. Грановская

Русская эмиграция о русском языке
Аннотированный библиографический указатель
(1918 - 1992)

 Москва
«АЗЪ»
1993

Российская Академия Наук
Научный совет при Отделении литературы и
языка
«Русский язык: история и современное
состояние»

Л.М. Грановская

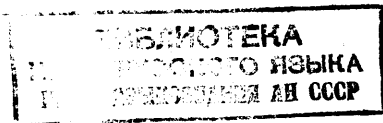
Русская эмиграция о русском языке
Аннотированный библиографический указатель
(1918 - 1992)

88601

 Москва
«АЗЪ»
1993

01

Г-77

88601

1. Адамович Г.В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. - Париж, 1961.

О словах *интеллигенция*, *общественный деятель*, не переводимых на другие языки. Различие в понятиях *эмиграция* и *беженство*, которые в русском зарубежном рассеянии слились (с. 10).

2. Адамович Г.В. Комментарии // Опыты: Журнал под ред. Р.Н. Гринберга и В.Л. Пастухова. - Нью-Йорк, 1953. - Кн. 1.

Оценка слова *проблема* как "развращенного" дурным и часто никчемным употреблением ("проблема рая"). Автор предпочитает брать его в кавычки, ибо "от проблем" вест чем-то уж книжным, интеллигентским, приват-доцентским" (с. 102).

3. Адамович Г.В. Комментарии. - Вашингтон: Изд. Русского книжного дела в США. - 1967./ Фрагменты: Знамя: М., 1990. - № 3.

О прописной и строчной буквах в слове *родина* (с. 70). Об интонации фразы у Лермонтова, Л. Толстого, А. Блока (с. 87-88). О словесных "ухищрениях" Маяковского. Язык Б. Пастернака: "слово сошло с ума, впервые в русской поэзии" (с. 201). О стилистических находках камерного эмигрантского поэта. И. Чиннова. Ораторское мастерство Мережковского: "арфа серафима" (с. 121).

4. Адамович Г.В. Литературные беседы // Звено: Ежемесячный журнал литературы и искусства, основанный М.М. Винавером и П.Н. Милюковым. - Париж, 1927.

Оценка спора С.М. Волконского с П.М. Бицилли о русском языке. Позиция П.М. Бицилли: непреложных законов в языке нет, погрешности встречаются и у классиков. "Никаких заповедей ни с какого Синая нам по части языка никто не даст" (с. 311). Русский язык представляется автору поверхностно европеизированным, чуждым по своему строю античным языкам, особенно латыни. При действительно "великом и могучем изобилии слов, при внешней законченности, внешней крепости и стройности" он обнаруживает "рыхлость и прелость; скуден сочетаниями и оборотами", особенно в области глаголов; "его губит тирания плохо проработанной, неосновательно капризной грамматики" (с. 312). О языке В.В. Розанова и А.М. Ремизова, который "восхитителен в своей послушной гибкости. Он еще уступчив и мутен, он внутренне проникнут проти-

волушкинскими и антиевропейскими стремлениями, но из него можно было бы выделить то, что нам нужно, забыв скудные каноны и нелепые окрики Смирновского" (с. 313). Автор считает бесспорными положения П.М. Бицилли, хотя не разделяет его безразличия к искажениям, равно как и консервативной непримиримости С.М. Волконского.

5. Адамович Г.В. *Одиночество и свобода*. - Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955.

Об употреблении слова я в литературной критике. Всякого рода перифрастические замены (*пишущий эти строки, мне думается*) представляются автору манерными, смешными и нелепыми. "Будем говорить "я" там, где оно необходимо, в уверенности, что естественный оборот речи по самой своей природе скромнее и проще всякого словесного жеманства" (с. 191).

Ироническая оценка штампа, использованного в одной из советских газет: "Мастера льда и других аналогичных видов спорта должны функционально вложиться в дело молодежной подготовки" (с. 181).

6. Азов В. *Власть слова* // Последние новости: Ежедневная газета / Под ред. П.Н. Милюкова. - Париж, 1934. - № 5000. - 1 декабря.

О неумеренном распространении в речи эмигрантов слова *аэродинамический*.

7. Алданов М.А. *Убийство Урицкого* // Современные записки. - Париж, 1923. - Т. 15.

О слове *предательский*, использованном в функции эмоционально окрашенного штампа в "Петроградской правде" (1919, 31 авг.). "Глупость этого эпитета в применении к поступку Леонида Каннегиссера достаточно очевидна. Констатирую, что самодержавное правительство обнаруживало и здесь значительно больше вкуса, чем ныншнее: оно в официальных актах убийство царей и сановников обыкновенно называло "злодейским", а не "предательским" (с. 361).

8. Амфитеатров А.В. В.О. Ключевский как художник слова: Речь, произнесенная в Петроградском Доме литераторов на торжественном собрании в десятилетнюю годовщину памяти В.О. Ключевского 26 мая 1921 г. // Грани: Литературный альманах. - Под ред. А. Черного. - Берлин, 1922. - Кн. 1.

О языке и стиле исторических сочинений Н. Полевого, П.Н. Кудрявцева, Т.Н. Грановского, С.М. Соловьёва, из-

бегавших, как правило, живой образности и драматической яркости. "Писать историю важно, сухо и скучно было бы обычно, равносильным закону" (с. 177).

Роль В.О. Ключевского в создании "синтеза языка - тысячелетнего древа" (с. 195). Использование архаизмов, диктуемое органической потребностью изложения - создать исторический колорит. Толковательный комментарий В.О. Ключевского, поясняющий, "почему взгляд на вещи" для масонов века Екатерины лучше определяется тогдашним словом "умоначертание"; почему развитие характера Екатерины укладывается в "самособранность"; что значит "огурство" недорослей XVII века, когда они "в службу поспели, а службы не служили" - "огурялись", "линяли" (с. 194-195). "Он весь в предметном сравнении, в живописном параллелизме или антитезе" (с. 180).

О "щегольстве языка" в литературе начала XX века. Школа этнографической беллетристики, по мнению А.В. Амфитеатрова, перегрузила текст варваризмами и провинциализмами. "Это не богатство языка, а маскировка его скудости подложною выставкою, декоративно рассчитанного на близорукость, неразборчивость и малое осведомление публики" (с. 193).

О слове *отечество*, которое допускается не иначе как с эпитетом "социалистическое", принципиальный интернационализм которого стоит в резком логическом противоречии с идеей "отечества" и, следовательно, обращает ее в неосуществимый абсурд" (с. 196).

9. Амфитеатров Вл. *Кадашев: Поиски ключа* // Веретено: Литературно-художественный альманах. - Берлин, 1922. - Кн. 1.

О языке Ф. Сологуба, который, по мнению автора, "неожиданно неряшлив" (с. 213). Русская волжская купеческая семья в его романе "Заклинательница змей" переходит на одесский жаргон.

10. Андреев Вадим. *История одного путешествия*. - М.: Советский писатель, 1974.

Об ударении в слове *беспомощный* (с. 208).

11. Андреев Ник. *Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом* // Русская литература в эмиграции: Сборник статей под ред. Н. Полторацкого. - Питтсбург, 1972.

Рассуждения о русском языке как национальной субстанции, в которой выявляется уровень зарубежного писа-

тельского творчества. "Русская литература существует постольку, поскольку она выражает себя в русском слове" (с. 19). О русской речи в диаспоре. Оценка языка В. Набокова, который в своем художественном творчестве опрокинул все стилистические ограничения.

12. Аничков Евг. Правописание и классики // Русская школа за рубежом / Под ред. проф. И.С. Гессена, приват-доц. С.И. Карцевского и В.А. Ригана. - Прага, 1924. - № 5-6.

Автор выделяет четыре орфографии: 1) до-гrotовскую, которая долго держалась во многих печатных изданиях, например, в "Новом времени" А.С. Суворина; 2) гrotовскую (Грот Я.К. Русское правописание. 1-е изд. - СПб., 1885; 20-е изд. - СПб., 1916); 3) "интеллигентскую", где "прогрессивным этикетом", или шегольством, было отбрасывание буквы Ъ (в эмиграции так набиралась газета "Дни", что составляло предмет главной ненависти правых кругов); 4) новую орфографию (советскую), которую не приемлет зрительная память, "включающая и аксессуары: семейный библиотечный шкаф там, в покинутом раю наследственной усадьбы" (с. 85).

13. Бальмонт К. Мысли о творчестве // Современные записки. - Париж, 1920. - Т. 1.

О словах, имеющих в каждом языке "свойство магической формулы: исп. *sin segundo* ("без второго"). т. е. человек единственный, несравненный; итал. *virtù* 'добродетель, добротность, достоинство, сила' в применении к художнику или художественному произведению; франц. *homme surélevé* 'высший человек, особенный'; нем. *Übermensch*, связываемое с Ф. Ницше, но употребившееся еще романтиками и Гете (с. 58).

14. Бальмонт К. О переводах // Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Париж, 1932. - № 192, 30 июля.

Полемика с проф. Е. Ляцким о способах перевода поэтических текстов, точности и приблизительности передачи языка подлинника. По мнению К. Бальмонта, "поэтический перевод есть лишь отзвук, отклик, эхо, отражение".

15. Бальмонт К. Русский язык (Воля как основа творчества) // Современные записки. - Париж, 1924. - Т. 19.

То же // Русская речь. - М., 1990. - № 2 / Вступительная заметка, публикация и примечания Ю.И. Семикоза.

См. также дискуссию с К. Бальмонтом в статье: Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания. - М., 1964. - № 3.

16. *Без автора*. Царский опричник. - Париж, 1930. - № 2.

О словах *опричник, опричнина, черносотенец*. "Слова "черносотенец" не следует отвергать, ибо оно почетное и славное наименование преданных царских слуг. Черные сотни - это сотни простого (черного) народа Столь же почетно и звание царских опричников" (с. 27).

17. *Без автора*. Борьба с денационализацией // Русский колокол: Журнал волевой идеи. - Берлин, 1828. - № 5.

"Язык уже вмещает в себя таинственным и сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все заветные помыслы народа" (с. 73). Поэтому ребенок в эмиграции должен быть воспитан на русском языке, который должен быть усвоен первым, до обучения иностранным языкам. "В семье должен царить культ родного языка: вся семейная жизнь должна протекать по-русски" (с. 74). Представляется важным чтение вслух классиков и ознакомление (хотя бы элементарное) с церковнославянским языком.

18. *Без автора*. О языке эмигрантской печати // Воля России: Журнал политики и культуры. - Прага, 1929. - Т. IV.

Ошибки в употреблении слов: *карманник* (одесское, вм. карманщик), *подойти* "в неожиданном и совершенно несвойственном смысле (прийти, явиться) - выражение чрезвычайно характерное для того ужасного мещанского наречия, на котором говорила южная полуграмотная "интеллигенция" биржевых дельцов и журналистов из Житомира" (с. 121). Неточности в переводах с французского на русский.

19. *Без автора*. Посмертное // Встречи: Ежемесячный журнал / Под ред. Г.В. Адамовича и М.А. Кантора. - Париж, 1934. - № 2.

Об употреблении слова *посмертный* в письме, посвященном памяти А. Белого (газ. "Известия").

20. *Без автора*. Размышления педанта // Встречи: Ежемесячный журнал / Под ред. Г.В. Адамовича и М.Л. Кантора. - Париж, 1934. - № 2.

О нарушениях норм. Например. "Дела слушались при закрытых дверях" - неудачный перевод с франц. *buis clos*: "ведь двери никаким образом закрыть нельзя, разве сняв их с петель" (с. 76). Значение и употребление местоимений *он, она, они, каждый, кто-нибудь, всякий*; возможности их взаимозаменяемости в тексте. О словах *план, плановость*, входящих в моду и используемых в разных словосочетаниях без ограничений.

21. *Без автора*. Русский язык в СССР // Возрождение. - Париж, 1935. - № 3780, 9 октября.

О стиле советских постановлений.

22. *Без автора*. Словесная литература в современной России // Газ. "Утро". - Нью-Йорк, 1921. - № 4.

О новых словах, появившихся в современной России: *хамовоз, электрофикация, стеклоица, комищейка, шептограмма*.

23. Бем А.Л., Завадский С.В., Плетнев Р.В., Чижевский Д.И. Словарь личных имен у Достоевского // О Достоевском: Сборник статей / Под редакцией А.Л. Бема. - Прага, 1933. - Кн. П.

В словарь выносятся каждое личное имя, встречающееся в произведениях Достоевского (включаются также имена, ставшие нарицательными), инициалы и сокращения. Работа представляет собой не только "извлечения", но и комментарии к художественным произведениям писателя: раскрытие цитат, установление подлинных наименований лиц там, где они не раскрыты и аллюзивны. В конце словаря приводятся инструкция и "ключ", с помощью которого можно установить, где приводится данное имя (в каком произведении, его главах, заголовках, цитатах и т. д.).

24. Бем А.Л. Церковь и русский литературный язык: Доклад, сделанный в заседании Русского Научно-Исследовательского Объединения в Праге. - Прага, 1944.

О церковнославянском языке в XI-XIV веках. Роль церкви в формировании его как русского литературного языка. Архаизация русского языка в конце XIV- нач. XV вв. в связи с усилением влияния южнославянского духовенства. Роль переводов в развитии языка. Язык богослужения и его место в теории трех стилей М.В. Ломоносова. Церковь и современный русский литературный язык. Роль духовной школы в развитии русской философской терми-

нологии. Церковнославянская лексика в произведениях русских писателей XIX-XX вв.

Оскудение языка в Советской России в связи с утратой обозначений некоторых нравственно-религиозных понятий. Обеднение языка в связи с исчезновением церковного богослужения (так, комментарий требуется к словам *вельми, клирос, коль*, которые некогда знал каждый), влияния церкви, обогащавшей обиходный разговорный язык. Автор отмечает особую роль певчих и церковного пения вообще.

25. Берберова Н.Н. Биянкурские праздники и другие рассказы. // Предисловие // Октябрь. - М., 1989 - № 11.

О языке героев "Биянкурских праздников", включающем следующие элементы: "старомодную устарелую речь чеховских и предчеховских времен, " выражения "благодарствуйте" и даже "мерси", "язык южной России", "слова, подхваченные из советских газет" (*спец, шамать*), означающие нечто новое, наспех придуманное в редакциях русских газет, и французские выражения, не освоенные и не переведенные на русский язык (*бистро, компле, пиджачная пара с жилеткой*). О сказе и авторской речи в творчестве писательницы (с. 123-124).

26. Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. - München, 1972.

Об иноказательном смысле заглавия книги (с. 632). Об искажении русской речи в эмиграции. "Дети картавят, когда произносят русское "эр"... учительница жалуется, что они не понимают "Горе от ума", особенно про чай: "Не от болезни, чай, от скуки" - какой такой чай? От какой болезни его принимают? Кто его пил? С чем?" (с. 384).

27. Берберова Н.Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. - Нью-Йорк: Руссика Паблишерс, 1986.

То же // Вопросы литературы. - М., 1990. - № 1, 3.

О слове *служить* (гл. 1).

Краткий словарь масонских терминов: *алтарь* (место, где восседает Досточтимый мастер), *ареонаг* (мастерская, где собираются братья из разных лож), *архивист* (библиотекарь), *архитектор* (заведующий храмом), *вульгарное существо* (профан, не масон), *кирка* (вилка), *лопатка* (ножик), *прикосновения* (масонские знаки для узнавания братьев), *радиация* (исключение из тайного общества), *сессия* (собрание масонов), *уснуть* (выйти на время из ложи), *уснуть на Востоке вечном* (умереть), *усыпить* (отстра-

нить брата на время из ложи), *флаг* (салфетка), *черепаха* (тарелка) и др. (гл. 2)

28. Берберова Н.Н. Примечания к книге: Вл. Ходасевич. Избранная проза. - Нью-Йорк, 1982.

О термине "*проницательный реализм*", который принадлежит Ходасевичу и "им употреблен впервые. Этот термин не вошел в обиход наших литературоведов, несмотря на его яркость, новизну и многозначимость" (с. 339).

29. Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь: Орган русской религиозной мысли / Под ред. Н.А. Бердяева. - Париж, 1925. - № 1.

О содержании понятия *большевизм*: "Отрицание духовного аристократизма, отрицание сложности мысли, бескорыстного созерцания и творческой проблематики есть большевизм, и большевизм этот есть повсюду, он есть у "правых", есть и у некоторых евразийцев" (с. 139).

30. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS. 1955. - М.: Наука, 1990.

О понятии *интеллигенция*.

Об истории и судьбе слова *большевизм*. "Первоначально это слово совершенно бесцветно и означает сторонников большинства. Но потом оно приобретает символический смысл. Со словом *большевизм* ассоциировалось понятие силы, со словом же *меньшевизм* - понятие сравнительной слабости. В стихии революции 1917 года восставшие народные массы пленялись "большевизмом" как силой, которая больше дает, в то время "меньшевизм" представлялся слабым, он дает меньше. Скромное и мало значущее по своему происхождению слово "большевизм" приобрело значение знамени, лозунга, оно звучало сильно и выразительно" (с. 92).

О термине "*богоискательство*" (с. 144).

31. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. (Очерк из истории русской религиозной мысли). - Paris, 1926.

Оценка слова *интернационалист* как "скверного" (с. 199).

32. Бердяев Н.А. Кризис искусства. - М., изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918.

О переименовании Петербурга в Петроград. "Кончилось не только старое слово, и на его месте возникло слово новое, кончился целый исторический период" (с. 36).

О языке А. Белого: "Это непосредственное выражение космических вихрей в словах" (с. 17).

33. Бердяев Н.А. О современном национализме // Русские записки: Общественно-политический и литературный журнал. При ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка и В.В. Руднева. - Париж, 1938. - Т. III.

О необходимости различать понятия *народ* и *нация*. "По-русски это различие можно выразить, употребив один раз иностранное слово. Но французы и немцы делают различие между *nation* и *peuple*, *Nation* и *Volk*" (с. 234).

34. Бердяев Н.А. Речь на открытом собрании религиозно-философской Академии. - Paris, 1932.

О языке русского православия. "Социальное мышление и язык православия остаются наиболее архаическими, точно оно не заметило, что мир изменился и что нужно определить свое отношение к этому изменению. Часто можно подумать, когда слышишь этот язык, что мы живем в патриархальном обществе, в системе натурального хозяйства и что это представляется абсолютно вечным порядком. Нужно сказать, что вообще ведь символика христианства очень связана с патриархальным обществом и возникала в период патриархальных отношений" (с. 6).

35. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. - Paris, YMCA-PRESS, 1971.

То же // О России и русской философской культуре. - М., Наука, 1990.

То же // Вопросы философии. - М., 1990. № 1.

О двусмысленности понятия *бытие*: 'что-то есть' и 'что есть' (гл. VIII, 2).

36. Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль XIX века // Современные записки. - Париж, 1930. - Т. 42.

О слове *соборность*, не переводимом на европейские языки, не выразимом в рациональных и юридических понятиях, ибо "соборность достигается лишь в приобщении к внутренней жизни Церкви. Соборность есть религиозный коллективизм" (с. 323).

37. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. - Paris, 1934.

О понятии *бестиализм*, которое "есть варварство внутри уже утончившейся цивилизации, это совсем не есть старое, натуральное, здоровое варварство" (с. 15).

38. Бицилли П.М. Вопросы русской языковой культуры // Звено: Ежемесячный журнал литературы и искусства, основанный М.М. Винавером и П.Н. Милюковым. - Париж, 1928. - № 3.

О русском языке в эмиграции. По мнению автора, "пересыпать нафталином... дело весьма опасное" (с. 129). Единственный целесообразный способ уберечь язык - "обращение к вечно живым образцам русского национального языка - к классикам". В русской же зарубежной школе нет культа русской художественной речи.

Новый этап существования "выдвигает на очередь жизненную проблему преодоления "классической" ограниченности, и то, что знаменует собою в России появление Розанова, Лескова и Ремизова - это не более и не менее, как есть рождение нового, второго, конкурирующего с "национальным" русского литературного языка" (с. 131).

39. Бицилли П.М. Заметки о роли фольклора в развитии современного русского языка и русской литературы. - София, 1944 // Годишник на университета св. Климент Охридски: Историко-филологически факултет. - Софи, 1943/44. - Т. XI.

Об условности терминов "народная словесность", "фольклор", "литература", "ученая поэзия". Поэзия народа как гибридный жанр, впитавший в себя элементы "барской" обиходной речи. Стилизация: усвоение метрических, сюжетных и словарных особенностей народной поэзии у И.И. Хемницера, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова. Влияние музыки на поэтический язык. Образы птиц в современной поэзии (С. Есенин, А. Ахматова).

Об уменьшительных, "укорительных", "унизительных" словесных формах, сохраняющих для русского языка "исключительное изобилие" из-за влияния фольклорных традиций (Ф. Достоевский, А. Белый "Московский чудаки"). Укоренению этих традиций, по мнению автора, способствовал тот факт, что в течение долгого времени очагами русской культуры были дворянские гнезда, где был тесный контакт между господами и дворовыми. Обилие видовых форм, широкое использование префиксальных и суффиксальных образований, которое значительно "протяженнее обыкновенных форм" (с. 19). Об употреблении причастия *забудущий* (у Г.Р. Державина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А. Белого); полемика К.С. Аксакова с В.И. Буслаевым,

который в своей "Исторической грамматике" приводил его как пример солецизма. Правда Аксакова, защищавшего эту форму, по мнению автора, подтверждается фактом аналогичного неправильного образования причастной формы у одного из крупнейших современных мастеров слова В. Сирин: "Брожение не шло дальше беспорядочного ропота, да полночных клятв ... позабываемых утром" (*Solux Rex*. - Совр. зап. - Т. 70). *Позабываемый* у него сродно формам *забудущий*, *заблудящий*, *съедучий* в народном поэтическом языке. Оттенок перфективности (ср. *бывать* - *побывать*) здесь сочетается с оттенком повторяемости действия (суф. -*ыва*); *позабываемый* невозможно заменить считающимся "правильным" *забываемый*, ибо в таком случае утратился бы смысловый нюанс, вносимый префиксом *по-*. Следует заметить, что глагол *позабывать* не выдуман Сириним. Этот глагол бытовал в старинной обиходной речи" (с. 23-24).

О "широчайшем" употреблении форм с *-ива/-ыва* в речи русского дворянства XVIII в. Влияние этих форм на современную художественную речь (А. Белый, Л. Леонов, Вяч. Шишков). Использование префиксальных глаголов с формантом *по-*, прилагательных и именных форм с "выполняющим функцию "снижения" или "ослабления" суффиксом *-оват*" (с. 28). Смысловая дифференциация лексем *низенький* (указание на телесный склад) и *низкий* (духовный). Сопоставление русских глагольных форм на *-ыва*, *-ива* с соответствующими французскими образованиями.

Прием тавтологии в народной поэзии и его распространение в художественной речи. Неразличение в фольклоре русских и славянских форм (*молодой* - *младой*, *врата* - *ворота* и др.). Влияние метрического строя народной поэзии на современное стихосложение.

Использование фольклорных элементов у Ф. Сологуба и Е. Замятина как одного "из средств выражения романтической "иронии", т. е. переживания дистанции между автором (и вместе с ним читателем) и предметом повествования. Изображаемые люди тем самым как бы отдаляются от нас, утрачивают свою реальность, приобретают характер какой-то призрачности" (с. 45-46). Схема речевой конструкции, при которой сказуемое-глагол выдвигается на первое место, что создает напряженность, динамику, патетичность.

40. Бицилли П.М. К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в новое время. - София, 1936.

Язык как важнейшая сторона культуры народа, ее отражение. П.М. Бицилли возражает, однако, против абсолютизации языковых парадигм и лингвистических методов при изучении культуры, ибо язык - "одна из сфер культуры, а не культура вообще" (с. 3).

41. Бицилли П.М. Литературные заметки // Современные записки. - Париж, 1938. - Т. 66.

О категориях языковых ошибок (грамматических, стилистических и этических). Поэтический словарь и образность. О синонимике в литературном языке.

42. Бицилли П.М. Литературные эксперименты: Блок // Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. - Париж, 1932 - № 197, 3 сентября.

О "лебядкинской" безграмотности А. Блока ("Черный сон тяготест в груди"). Ошибки против элементарной логики ("глядясь в холодный и полярный круг": и понадобилось для размера). О славянизмах в поэзии А. Блока. Слияние полнозначных и "грамматических слов" в "пра-слова" и фразы.

43. Бицилли П.М. Литературные эксперименты: Зошенко // Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Еженедельная газета при участии П. Струве. - Париж, 1932. - № 189, 9 июля.

Характерные черты языка и стиля рассказов Н. Успенского, отмеченные и у М. Зощенко. Изображаемые люди обладают большим запасом слов, но не знают, как их употребить; см. *кровотечение крови* (Н. Успенский), *родной родственник* (М. Зощенко), *от души сердца* (Н. Успенский), *сердечно и от души* (М. Зощенко). Эффект убывающей градации у М. Зощенко: *очень даже отчаянный, смелый подросток; я вас горячо обожаю и люблю*. "Значение таких писателей, как Успенский или Зощенко... в том, что у них находится богатейший и вполне надежный материал, относящийся к развитию языка" (с. 3); "Образцы обесмысливания слов... представляют интерес лингвистического эксперимента" (с. 3). Зошенко уловил сущность полуинтеллигенции, стилизуя специфические особенности ее языка.

44. Бицилли П.М. Нация и народ // Современные записки. - Париж, 1939. - Т. 40.

По мнению автора, народ пользуется национальным языком механически, не отдавая себе отчета в том, какие "сокровища мысли и чувства отложились в нем" (с. 354). Отсюда коверкание языка, "затемнение" синтаксиса и проч. Наблюдаются различия в процессе обновления языка, определенном творческой эволюцией культуры и обусловленном жизнью в замкнутой среде (школе, казарме и проч.): это случайное, искусственное обновление.

45. Бицилли П.М. Нация и язык // Современные записки. - Париж, 1929. - Т. 40.

Общность языка как признак национального единства. О языковой традиции, предполагающей устойчивость литературного, "классического", образцового языка. Отторжение диалектов под вымышленными лингвистическими признаками ("фонетика белорусского языка"). О богатстве литературного языка, его "душе" - синтаксисе и словообразовании. Двужычная культура Европы: "утончение", облагораживание новых языков и падение латыни. "Умножение ... национальных языков до сих пор не привело к обогащению современной культуры".

46. Бицилли П.М. О некоторых особенностях русского языка. По поводу "Москвы под ударом" Андрея Белого // Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Еженедельная газета при участии Н. Струве. - Париж, 1931. - № 155, 14 ноября.

По мнению автора, "писание" Андрея Белого - "юрродство и заключает в себе элемент издевательства над читателем и над языком". Юродство, однако, не содержит в себе чего-либо осуждающего. Юродствующая стилистическая манера А. Белого является у него приемом достижения художественной выразительности. "Белый, несомненно, сознательно добивается того, чтобы его было мучительно читать. Около половины слов "сделаны". Это своеобразие русского стиля, русской художественной культуры. Для духа русского языка характерна способность любого корня обрастать приставками, суффиксами (см. у Белого: *заутить, задетиться, пронезнела, забелогрудилась, сжелтение, проядовителя, доцветенье* и др.). Писатель образует новые глаголы не только от отдельных имен, но и от имен вместе с прилагательными. По мнению В. Ровинского, автора "Русских народных карти-

нок", в русском языке выработалось особое свойство, по которому из каждого существительного можно образовать ряд глаголов, например: *наегорить, отстаканить, припоптийстить* и др. По мнению автора, из всех современных языков таким средством обладает немецкий. Элемент *heit* имеет в этом языке широкое употребление (*Ichheit - ячность*; это слово есть и в новейшем философском языке).

Богатство возможностей русского языка находится, по мысли П.М. Бицилли, в соответствии с "широкостью" русской природы, о которой говорил Ф.М. Достоевский.

47. Бицилли П.М. Проблема русско-украинских отношений в свете истории. - Прага, 1930.

О соотношении национального как государственного и языка. Единство исторически сложившихся наций одноязычно. Единство языка не всегда есть единство национального. Условность терминов *язык* и *диалект*. "Строгого параллелизма между эволюцией языков и эволюцией национального нет" (с. 15). По мнению автора, Россия представляет собой конгломерат республик, многие из которых являются национальными лишь по имени. "Россия будущего - "единая-неделимая" Россия прошлого, не псевдофедерация псевдо-национальных республик настоящего, а союз областей" (с. 35).

48. Бицилли П.М. Пушкин и проблема чистой поэзии. - София, 1945.

Об отказе А.С. Пушкина от украшений и "поэтизмов". Звуковые повторы в поэзии Пушкина. Ритм и смысл. Анализ метрических форм. Функции словесных повторений. Тяготение чистой поэзии к музыке. Поэзия как искусство выразительного слова. "Поэт воссоздает своим творчеством слово, возвращает ему, стершемуся в обыденной речи, ставшему в ней бесцветным "сигналом", всю полноту смысла и тем самым позволяет ему выполнить функцию аналогичную той, какую в музыке выполняют звуки" (с. 48). По мнению П.М. Бицилли, "мерилом совершенства к а ж д о г о произведения художественной литературы служит его р и т м и ч н о с т ь" (с. 50). Лексика стихотворных произведений Пушкина. О внутренней ценности чистой поэзии.

49. Бицилли П.М. Рец. на: В. Сирин. Приглашение на казнь. Его же: Соглядатай // Современные записки. - Париж, 1938. - Т. 67.

Стилистика романов В. Сирина. Игра сходно звучащими словами ("И как *дым*, исчезает доходный *дом*"), использование сочетаний слов с одинаковым числом слогов и рифмующихся одно с другим ("От него пахло мужиком, табаком, чесноком" или "симметрических" в звуковом отношении словесных групп ("Картина ли кисти крупного колориста"), аллитераций и ассонансов ("Там тамошные холмы, томление прудов, тамтам далекого оркестра"). Перенесение на понятия, выражающие "душевное", материальных качеств ("Задумалась женской облокоченной задумчивостью"; "бархатная тишина платья"). "Подобные стилистические чудеса можно найти уже у Гоголя, затем и у ряда других. Все дело в *функции* этих приемов, обнаруживаемой степени смелости при пользовании ими, а в этом отношении Сирин идет так далеко, как, кажется, никто до него" (с. 475). "Путем легчайших словесных намеков то, что относится к действительности, приобретает характер какой-то бутафорской фикции: "Луну уже убрали, и густые башни крепости сливались с тучами" (с. 477). Искусство Сирина автор определяет как искусство аллегории, иносказания.

50. Бицилли П.М. Справки // Встречи: Ежемесячный журнал / Под редакцией Г.В. Адамовича и М.А. Кантора. - Париж, 1934. - № 2.

О внутренней форме имени Хома Брут у Гоголя. По мнению автора, семинарское прозвище, данное Хоме в бурсе, иронично: оно связано с цидероновым диалогом *Brutus de oratore*. Хома его получил *antiphasin*: он не блистал красноречием.

51. Бицилли П.М. Творчество Чехова: Опыт стилистического анализа. - София, 1942.

О лаконизме чеховской прозы, предполагающем "строжайшую мотивированность словоупотребления", "единство символики и композиционного плана", недопущение никаких украшений. О полярности поэзии и прозы: "проза тяготеет к реалистическому воспроизведению жизни, поэзия к символистскому" (с. 34).

Синтаксис чеховской фразы - "нанизывание кратких, структурно простых фраз, после чего следует завершительная, протяженная, более сложная синтаксическая конструкция". Триаδικое членение: 1) показ, 2) непосредственная рефлексия, 3) заключение - выражение своеобразной диалектики развития поэтического образа (с.

56-58). Комбинирование ритмообразующих элементов прозы и поэзии. Образы-символы и лейтмотивы, выполняющие "музыкальную функцию".

52. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры // Современные записки. - Париж, 1933. - Т. 53.

О закреплённости архаизмов (могущих быть датированными XVIII веком) в речи пожилых людей. Так "язык отразил своими особенностями особенности культуры того общественного слоя, который явился лоном классической русской культуры" (с. 303).

53. Бицилли П.М. Этюды о русской поэзии. - Прага, 1926.

Книга объединяет три большие статьи: "Эволюция русского стиха", "Поэзия Пушкина" и "Место Лермонтова в истории русской поэзии".

Тенденция вытеснения двусложных размеров трехсложными наблюдается, по мнению автора, со времени Лермонтова (возвращение к силлабике и, с другой стороны, сближение с ритмической прозой).

Язык Пушкина. Обилие в нем эпитетов, характеризующих динамические свойства предметов (*медлительный, быстрый, летучий, легкокрылый, скоротечный, стремительный, перелетный* и др.). Бескрасочность пушкинского эпитета "при исключительной, однако, чуткости к степени интенсивности света" (с. 281); частое употребление слова *серебриться*, вызывающее представление о вибрации, трепетаньи. О внутренних ассонансах в "Медном всаднике". Образы-символы (*живой, оживлять, корабль, сон* и др.).

Язык поэзии Лермонтова. Антитезы, параллелизм, период. "Поэзия Лермонтова насыщена элементом, почитаемым принадлежностью прозы, интеллектуализмом" (с. 254). Его словарь изобилует философскими терминами; частое употребление род. п. (*венцы вниманья, риза могущества, жемчужина страданья* и др.). Символика слов *тень, туман, облака*.

54. Бицилли П.М. Le Dit de la campagne d'Igor Traduction de N. Koulmann et de Behaghel. - Paris, 1937 // Современные записки. - Париж, 1937. - Т. 65.

О языке перевода "Слова о полку Игореве". Особенности передачи значений слов (*вещий* и др.), поэтических метафор (*растекаться мыслию по древу*).

55. Большт Ф., Сегал Д., Флейшман Л. Проблемы изучения литературы русской эмиграции первой трети XX в.: Тезисы // Slavica Hierosolimitana. - Jerusalem, 1978. - Vol. Ш.

О языке русской эмиграции как подсистеме, в которой произведена стилистическая передислокация элементов. Оценки: высокое - низкое - вульгарное, идущие вразрез с послеоктябрьскими стилистическими квалификациями. Апелляция к элитарности, высокости (И.С. Шмелев).

О типом наборе различительных признаков (семантических, стилистических, фразеологических, композиционно-тематических), определяющих принадлежность эмигрантской поэзии и прозы к данной подсистеме (с. 85). О зауми. Основные стилистические признаки художественного метатекста: космополизация художественного языка (В.Набоков).

56. Булгаков С.Н. Трагедия философии // Вестник русского студенческого христианского движения. - Париж - Нью-Йорк, 1971 - № 101-102.

Основные положения этой работы (о духе, реализующем себя в предложении, существительном, существующем по образу местоимения, которое "дробится и множится в зеркальных повторениях" (с. 93) развиты автором в книге "Философия имени" (Париж, 1953).

57. Булгаков С.Н. Философский смысл троичности // Вопросы философии. - М., 1989. - № 12.

О суждении как грамматическом предложении, онтологической основой которого является *я емь нечто*. "Я как субъект есть подлежащее для всякого сказуемого, будет ли это небо или ад, минерал или страсти" (с. 92). "Сказуемое говорит обо всем, есть всеобщее слово, мировой логос" (с. 95). Суждение рассматривается как свидетельство двойственной субстанции-ипостаси человека и природы. Сказуемое - природа, раскрывающееся в отношении я-человека. Обозначение - подлежащее, раскрываемое - сказуемое.

58. Булгаков С.Н. Философия имени. - Париж, 1953.

Книга известного русского философа С.Н. Булгакова была написана еще в России, до высылки. Введение к этому труду было прочитано в 1924 году на Русском академическом конгрессе в Праге. Доклад был напечатан под заглавием "Was ist das Wort" в Сборнике статей, посвященном 80-летию Т. П. Масарика (Festschrift T. Masaryk zum

80. Geburtstage. - Прага, 1930. - Ч. 1). Книга включает : Предисловие редактора. I. Что такое слово. II. Речь и слово. 1) Части речи (имя, глагол, местоимение). 2) Имя существительное. 3) Грамматическое предложение. III. К философии грамматики. (Грамматика и гносеология, грамматика и логика, Кант и язык). IV. Язык и мысль. V. Собственное имя. VI. Имя Божие. Софиологическое уразумение догмата об имени Иисусовом. Примечания. Экскурсы.

Концепция С.Н. Булгакова находится в круге тех идей, которые в конце XIX - начале XX вв. представляли понятия слово - вещь в сложных взаимоотношениях: язык самоценен, замкнут, отъединен, он требует интерпретации, рассказа о себе, перетолкования. Смысл слова определяется его познанием. Изучение слова, по мысли автора, стоит на рубеже филологии и философии. Обращение к слову как духовной сокровенности, сверхчувственному отражению и постижению бытия преобразило стиль философского монолога, в котором дискурс развернут в поисках истины, а в живой пульсации философского размышления нет утомляющей и гнетущей абстракции.

Для С.Н. Булгакова звуковая оболочка слова представлялась материей, идеализированной формой - смыслом-идеей. Слова - иероглифы вещей, и связь идеи и звукового комплекса воплощает не только внешнее единство, но и внутреннюю глубину. Сам космос говорит в словах - живых символах, воплощающих в словесном звуке вещь и явление. В главе "Что такое слово?" С.Н. Булгаков писал: "Слово есть вспышка смысла, идеи, которых много, которые имеют текучее, переливающееся бытие, выражают, а не образуют, символизируют, а не творят космос" (с. 42). "Природа слова символична, и философия слова тем самым вводится в состав символического мировоззрения" (с. 26). В разделе "Части речи" большое место (наряду с именем и глаголом) уделено местоимению - "парадоксальному классу слов", способному выражать невыразимое в словесидее, "передавать мистический жест, онтологические точки касания" (с. 52).

Семантическая природа я раскрывается как элемент парадигмы личных местоимений, самообозначения личности, уникальное мировосприятие. "Я абсолютно не может мыслиться во множественном числе, всякое я есть "единственный", неповторимый, однако оно есть столь же и нари-

цательное имя, как местоимение (т. е. формальное, условно обозначение). С другой стороны, оно есть собственнейшее из собственных имен (с. 53). "Местоимение не выражает никакой частной идеи о к а ч е с т в е, но оно есть словесное свидетельство о с у щ н о с т и, которой принадлежит бытие и все его качества" (с. 55). "Я есть ориентирующая точка бытия, мысли и слова. От я отсчитываются направления, им измеряются расстояния. Все личные местоимения суть варианты я, его зеркальные отражения: ты - это другое я, мы - многие я, он, они, суть то же, которые имеют природу я... бытие" (с. 55). "Местоимение есть символ услии, невыразимой глубины сверх-бытия, первоисточности" (с. 55). "Не мир его говорит в нас, но мы его говорим" (с. 55-56) 7

В разделе третьем "К философии грамматики" приводятся рассуждения о природе языка, его власти и влиянии грамматики, где в системе грамматических форм разработаны основные категории бытия - пространство и время. Познание как акт именованья. "Изначальные слова, язык вещей - суть смысл и сила" (с. 126).

Содержание и форма в слове. Слово как символ космической боговдохновенности. Тройкий смысл слова, буквальный, переносный и духовный. В разделе IV "Язык и мысль" слово описывается как Божественная ипостась Логоса.

О фактическом значении слов: полновесных, насыщенных словах и опустошенных, легковесных.

Язык рассматривается как власть человека над миром. Слова, по мысли С.Н. Булгакова, суть действия, энергия (поэтому религиозная аскетика придает особое значение празднословью и злословью). О заклинательной силе слова. Условность научного знания и его терминологии. "Термины суть слова ремесленного употребления; они составляют уже привычное, механизмом ассоциативного автоматизма освоенное, залоснившееся от частого употребления содержание речи данной науки" (с. 138). Отличие художественного слова от всех других форм его употребления. Искусство слова как синтез логоса, смысла и формы. Слово как самоцель поэзии (в отличие от прозы, где оно - средство). Магия слова; слово как конденсатор космической силы. "Церковь, - пишет С.Н. Булгаков, - знает еще и иное служение словом, - как властью, и это служение и образует основы таинственной ее жизни" (с.

154). Буквы как элементы языка и космической силы в Каббале.

История имени собственного (раздел V) - это процесс выветривания, "линияния смысла", потерявшей внешнюю форму клички. "Не даром "интеллигентные", т. е. дошедшие до полного рационалистического нечувствия к слову, родители избирают имена своим детям, руководствуясь звучностью, подобно попугаям, но ведь idiotизация имени в интеллигенции (а теперь уже и в народе), конечно, говорит только об ее духовном иссыхании" (с. 155).

В "Экскурсиях", завершающих книгу (с. 255-278), описываются случаи "нарочитого изречения" имен в Библии: Навал (безумный), Иаков (держась за пятку), Моисей (водяной), Вениамин (сын смерти) и др. "Имя означает вещь, и лицо соответствует имени" (с. 256). Имя Божие в богослужебных книгах. О крещальном наименовании. Учение Филона об имени божием. Платон о словах и речи в "Софисте". Гумбольдт о языке.

59. Бунин И.А. Дневники // Из книги: И.А. Бунин. Лишь слову жизнь дана... М., Советская Россия. - 1990.

Иронические оценки газетных клише и словоупотреблений: *стойкий, светлый, трофеи выясняются, империалистические хищники, восстание успешно ликвидируется, набеги выдохлись*. "Чрезкомнаб, Свуз количество таких слов все растет!" (с. 119-120). "Я вам раньше предупреждаю" - слышу на улице. Да, и язык уже давно сломался, и у мужиков, и у рабочих" (с. 124).

60. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. - Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

То же // Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Собр. соч. в 9 томах. - М., Художественная литература. - 1966. - Т. 6.

О слове *замолаживает*. "Это слово употреблялось когда-то на винокурнях, и человек выпивший хотел им сказать, что в него вступает нечто молодое, некое освобождение от рассудка, от будничной связанности и упорядоченности" (т. 6. - С. 84).

61. Бунин И.А. Из записей // Собр. соч. - Берлин, 1936. - Т. 1.

То же // Бунин И.А. Заметки // Последние новости. - Париж, 1932. - № 3942, 7 янв.

То же // Бунин И.А. Из записей // Собр. соч. в 9 тт. - М., Художественная литература. 1967. - Т. 9.

Писатель вспоминает речь своего отца, прекрасно владевшего русским языком, но использовавшего много архаизмов (*быть любезну, рекомендовать в знакомство* и др.). Употребление множества "странных и старинных слов" дворовыми людьми: *не надобе, младшие* (т. е. меньшие) *колокола, стоячие* (писанные во весь рост образа), *безлетно* (вечно), *дивий* (дикий, лесной), *присельник* (пришлец, иноземец), *средидневный вар* (зной). "Они говорили: *Ливан* (ладан), *Краниево место* (Голгофа), *дщица* (малая дощечка), *орлий* (орлиный), *седатый* (седой), *пядница* (маленькая иконка, в пядь), *кампан* (колокол), *село* (в смысле: поле)" (Т. 9. - С. 271). Лентя и нищего в крестьянской среде называли *изгоем*.

62. Бунин И.А. Окаянные дни. - Лондон, 1984.

То же // Бунин И.А. Лишь слову жизнь дана... - М., Советская Россия. - 1990.

О большевистском жаргоне (*учинить допрос с пристрастием, сделать надлежащие выводы, третьего не дано* и др.). Бунин приводит примеры словоупотреблений "с какой-то якобы ядовитейшей иронией... высокого стиля" (*Росинант, оседлал своего Пегаса, мундиры небесного цвета*), встречающиеся даже у В.Г. Короленко.

Критика архирусского, так называемого народного языка, смесь, "на которой никто на Руси не говорил"... "Язык ломается, болеет и в народе".

Оценка "напыщенного" стиля большевистских газет, штампов (*кровопийцы, буржуазные акулы, угнетатели, эксцессы, рыцари тьмы и насилия*), неправильностей: "только лакеи душой останутся за бортом нашего якоря спасения", "под хладнокровной, раскормленной рукой Ллойд-Джорджа билась в судорогах истощенная страна" и др.

63. В. Ш. Отрывки из воспоминаний о царской семье. - Газ. "Дни". - Париж, 1932. - № 437.

Об особенностях разговорной речи в семье Николая II. Царские дети, воспитанные русскими няньками, говорили: "видать", "слыхать", "аль", "не тужи", "гляньте", "аль не знаешь"; Смольный институт называли "Смолен институт".

64. Варшавский В. О Поплавском и Набокове // Опыты: Журнал под ред. Р.П. Гринберга и В.Л. Пастухова. - Нью-Йорк, 1955. - Кн. IV.

О своеобразии поэтического языка Б. Поплавского, нежной и грустной музыке его стихов, где "магически цветет очарование сюрреалистической и фра-анжеликовской живописности метафор" (с. 67).

65. Варшавский С. Русский язык Подкарпатской Руси // Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Еженедельная газета при участии П. Струве. - Париж, 1931. - № 126, 25 апреля.

Вопрос об использовании русского, украинского или карпато-русского языка в Подкарпатской Руси как важная социальная проблема. Течения в среде карпато-русской интеллигенции: 1) очистить русский язык, на котором говорит население, от заимствований и поднять его на уровень литературного языка; 2) ввести галицийско-украинское наречие; 3) отказаться от русского и украинского языков и ввести особый, "карпаторусский" язык. Автор приводит примеры искажений в русской печати (*храняет, кунь*) - обстоятельство, диктующее необходимость образования объединяющего литературного языка. Вавилонский хаос в школах, где язык преподавания зависит от ориентации учителя, создавая полуграмотность. Примеры искажений из "карпаторусской грамматики Августина Волошина". По мнению автора статьи, "ставка на русский язык" поставлена самою жизнью, а борьба против языка Пушкина и Тургенева - дань затхлому провинциализму.

66. Вейдле В.В. Безымянная страна: Очерки о России. - Paris, 1969.

О смысле слов *гуманность, человечность* (с. 46), *милосердие, сострадание* (с. 50-53), *благообразие* (с. 57-59). О неудачной замене слова *крестословица* "украденным кроссвордом" (с. 60).

67. Вейдле В.В. Задача России. - Нью-Йорк, 1956.

О непереводимости слова *простор*, "окрашенного чувством малопонятным иностранцу и объясняющим, почему русскому человеку может показаться тесным расчлененный и перегородженный западноевропейский мир; отсюда и русское, столь отличное от западного, понимание свободы, не как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя".

Оценка слова *казенщина*: "Какое это русское слово, и какое петербургское понятие!" (с. 217).

68. Вейдле В.В. Еще раз о русской душе // Современные записки. - Париж, 1939. - Т. 68.

Рассуждения о русском языке, архаичности его грамматической структуры, от которой зависит преобладание видов над временами в системе глагола, сохранение флексий, позволяющее свободно расставлять слова в предложении. По мнению автора, факт сохранности таких оборотов, как "*мы с тобой*" (вместо "*я с тобой*") "указывает на общую слабость логических и аналитических потребностей, которой отвечает тяготение к выразительной или поэтической функции языка в ущерб его функции рассудочной и практической" (с. 436). Синонимы разграничиваются чаще с точки зрения эмоциональной и экспрессивной, нежели по смыслу. Автор считает, что язык русской поэзии "зрелый и разработанный язык прозы". "В повествовании господствуют сказ и живая речь. Лучшие книги В.С. Соловьева и В.В. Розанова написаны в форме диалогов и отрывков". "Небрежность языка странным образом уживается с гениальностью". По мнению автора, "относительная безыскусственность русского прозаического стиля (выражающаяся также в относительной неразработанности его ритмических возможностей) как бы возводит в художественный принцип общую нефиксированность, шаткость и свободу языка Русская литература предпочла жизнь форме" (с. 437).

69. Вейдле В.В. Религия и культура // Вестник русского христианского движения. - Париж, 1965. - № 79.

Об "укоренелости" языка всех христианских народов, поэзии и прозы в языке Библии, богослужебном и богословском языке (с. 18).

70. Вейдле В.В. Россия и Запад // Задача России. - Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1956.

То же // Вопросы философии. - М., 1991. - № 10.

О церковнославянском языке, который, по мнению автора, "есть точный сколок с греческого, гораздо более близкий к нему (не генетически, но по своей внутренней форме), чем романские языки к латинскому Благочестие, благолепие, благоговение, благообразие, чистосердечие, милосердие, целомудрие, умиление, - все это не только по-гречески сложенные слова, но и по-гречески воспринятые образы жизни и мысли, ставшие сперва церковно, а потом и народно-русскими" (ВФ. - С. 65). "Русский язык как этническое явление обнаруживает

некоторые черты сходства с тюрко-татарскими языками, но русский язык как явление национальной культуры... сложился не под татарским, а под греческим влиянием, к которому прибавилось впоследствии влияние западноевропейских языков" (с. 66).

71. Вейдле В.В. Умерщвление слова // Мосты: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. - Мюнхен, 1965. - № 11.

Слово как корень нашей человечности. "Культура всех до сих пор существовавших человеческих обществ выростала из слова, измерялась словом, осознавалась в слове" (с. 177). Слово, понятие и термин. "Сквозь понятия мы охватываем не явления, а лишь образчики понятий, мы и не можем обозначать понятия словами, созданными не для обозначения, а для выражения" (с. 177). Знак и смысл. Отличие языка поэзии от обычного языка.

О долге писателя беречь и защищать полновесное, осмысленное слово. По мнению автора, опасность в использовании языка таится в ярлыках, навязанных тоталитарной идеологией.

72. Вейдле В.В. Чистая поэзия // Современные записки. - Париж, 1933. - Т. 53.

Литературный язык и язык поэзии, обновляющий его языковую ткань. "Метафоры в современной поэзии применяются без веры в знаменуемое ими бытие, только как если бы они отвечали скрытой его истине" (с. 320). О процессах, наблюдаемых в литературных стилях отдельных авторов. "Нейтрализация и стандартизация языковых средств побуждает к выработке все более редкостной, заостренной и искусственной литературной речи" (с. 320).

По наблюдениям автора, всякий элемент стиля может вырождаться в прием, и сама непринужденность, искренность могут стать манерой; "манерой могут стать даже нечленораздельный вопль или предсмертный стон. От истерии к схематизму (а может быть, и от схематизма к истерии) только один шаг, как видно на примере ритмической прозы Андрея Белого" (с. 321). О стиле "Улисса" Д. Джойса, "Опустошенной земли" Т.С. Элиота: "Язык от первого до последнего слова переломан, вывихнут, вывернут наизнанку, где каждая фраза - ребус и каждое слово - каламбур, где двусмысленно все вплоть, до правописания"

(с. 322). "Рассыпается в прах мечта о чистой поэзии" (с. 323).

73. Вейдле В.В. Эмбриология поэзии: Введение в фоносемантику поэтической речи. - Париж, 1980.

Книга включает следующие главы, печатавшиеся с 1972 по 1974 год в виде статей в "Новом журнале": I. Эмбриология поэзии. 1. Бразильская змея. 2. Спор о змее и об осенней весне. 3. Царь Оксиморон и царица Ономатопея. 4. "Как часто милым лепетаньем..." 5. Очарование имен. 6. Ни песня, ни пословица. II. Музыка речи. 1. Музыка мысли и музыка речи. 2. Сумбур и звукомысл. 3. Зачем так звучно он поет? 4. Лалла Рук. 5. Уподобительное благогласие. 6. Повторы. Ну и что ж? III. Звучащие смыслы. 1. Обозначение и выражение. 2. Фоносемантика. 3. Звучащее слово. 4. Осмысление звуков. 5. Во славу гласных - и согласных. 6. Фоносемантики второй раздел. IV. Критические заметки. 1. Выхожу один я на дорогу. 2. Сто двадцать девятый сонет Шекспира. 3. Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы. 4. Неслучайные ошибки и коренное заблуждение. Приложение: Батюшков и Мандельштам.

По мнению автора, основным принципом организации стихотворной речи является ономастика. Особенности "устройства" собственных имен (звук, связанный с определенным миром - "очарование имен"). Музыка русской поэтической речи. Звуковой повтор. Анализ и оценка трудов теоретиков поэтического слова (А. Белого, Б.М. Эйхенбаума, Ю.Н. Тынянова, Р.О. Якобсона). О символизме гласных и согласных звуков. Критические заметки об истолковании поэтических текстов в трудах Л.П. Якубинского, Р.О. Якобсона, К.Ф. Тарановского, Ю.М. Лотмана и др.

В главе "Музыка речи" В.В. Вейдле определяет русскую речь как плавную, "сладкогласную". Звук л в поэтическом языке К. Батюшкова, Вяч. Иванова, К. Бальмонта, Ф. Сологуба. Разбор статьи Л.П. Якубинского "О звуках стихотворного языка" (Поэтика. - Пг., 1919).

Скопления звуков в стихе. О противостоянии ли р. Звуковые повторы; "смыслы" звучаний.

В главе "Звучащие смыслы" семантика определяется как история словесных смыслов, обращенных к внешнему миру. Границы национальных языков в фоносемантике. Гласная и - "талантливая во всех языках".

"Темные", "светлые", "легкие" и "тяжелые" звуки. По мнению автора, звук у в русском языке "лучше соответствует сумраку или сумеркам, чем утру (ужас, грусть, уныние). Пропеть у на высокой ноте вообще невозможно" (с. 173). То же в латыни: *Profundis* - из бездны зываю к тебе, Господи; *Pulvis et umbra sumus* - Мы будем тени и прах.

В приложении - глава "Батюшков и Мандельштам". В "Послесловии" автор указывает, что тематика книги и способ изложения материала (притчи, беседа автора с самим собой) обусловлены протестом "против тематических, на показ "научных" приемов достигшего в XX в. апогея структурализма" (с. 291). Определены две основные идеи книги: поэзия - явление речи, но не системы языка; в силу этого она не может быть изучена методами точных наук, а исключительно гуманитарных.

74. Ветлугин А. Третья Россия. - Париж, 1922.

О перенасыщении художественной литературы славянизмами, создающими, по мнению автора, "порочную, косноязычную витиеватость".

75. Винавер М.М. Недавнее. (Воспоминания и характеристики). Изд. 2-е. - Париж, 1926.

Характеристики ораторских речей в Государственной Думе. Полнота, обстоятельность "всегда с нужными оговорками, со всеми придаточными предложениями, со всеми предосторожностями научного изложения" Ф.Ф. Кокошкина (с. 145), "крепость и свободная изысканная простота" С.А. Муромцева, который любил обращаться к старому, суровому, но ядренному языку древних памятников, к языку Сперанского и в нем находить украшения и узоры для своей, вполне гармонирующей с ними по тону речи" (с. 69). Особенности риторического стиля А.Я. Пасовера.

76. Волконский А.М. Имя Руси в домонгольскую пору. - Прага, 1929.

О тенденции исключать корень *рус-* в названиях *белорус*, *малорос*, охватывающем все три ветви русского народа. Понятие *российский*: "Все разноименные племена и народы, имеющие войти в состав ... государства Российского" (с. 3). О названии *Русь*, привившемся к Киевскому княжеству. О терминах *Украина* и *украинцы*, используемых "для различных фаз исторического развития этого народа" (с. 14): "Украина означало: земля, лежащая у края, пограничье, граница" (с. 15), т.е. имело нарицательное

значение. Использование этого слова в памятниках древнерусской литературы, русских летописях, сборниках русских и польских актов XV-XVII вв. Автор приходит к выводу, что до нашествия татар русская земля в течение 400 лет называлась Русью и не иначе. Украины домонгольской поры не существовало.

77. Волконский С.М. Быт и бытие: Из прошлого, настоящего, вечное. - Берлин, 1924.

О внутренней форме слова *город*; об оттенках значений слов *беспредельное*, *бесконечное*, *бесчисленное*, *бевременное*: "все это не определения, а лишь отрицания земных определений" (с. 63). Значение слова *одиночество* ("численное" и "нравственное"). О неумеренном, неосознанном употреблении слова *революционный*.

78. Волконский С.М., Волконский А.М. В защиту русского языка: Сборник статей. - Берлин, 1928.

Книга включает введение "От издателя" (герцога Г.Лейхтенбергского), "От авторов" и разделы "О русском языке", "О заимствованных иноязычных словах", "О некоторых грамматических ошибках", "Об охранителях", "Имя и язык". Глава "Слово и разум" (лекция, читанная С. Волконским в Тургеневском обществе 8 марта 1928 года), по существу, содержит все основные положения книги и предшествующих публикаций. Критике подвергаются многие новшества, отмеченные в русском языке послеоктябрьского времени - как в России, так и за рубежом. Включены и некоторые фрагменты ранее вышедшей книги С.М. Волконского "Человек на сцене" (СПб., 1912), "Выразительное слово" (СПб., 1913), статьи "В защиту актерской техники" (Аполлон, 1911, № 2) и др. Главная тема в оценках - насыщение русской речи иностранными словами, явление, связываемое С. и А. Волконскими с нигилизмом, политикой, каракозовским выстрелом, народовольцами, а позднее - с деятельностью "полуинтеллигентных" депутатов Думы, закамуфлировавших "страшные" понятия: *экспроприация*, *иллюминация*, *ликвидация*, *террор* и др. "Полуинтеллигентность особенно обостряет страсть к иностранным словечкам" (с. 40). Во второй главе "О заимствованных иноязычных словах" приводятся обширные списки слов, требующие, по мнению автора, замены (*аннексировать*, *аргумент*, *аттракцион*, *диксионер*, *иммортель*, *импорт*, *экспорт*, *колье*, *комбинация*, *компетенция*, *кординировать*, *корректив*, *манускрипт*, *мерси*, *мемуары*,

пресса, примат, репродукция, рецензия, толерантность, фатальный, штраф, эксперимент и др.) (с. 50-52). В перечнях иноязычных слов, требующих замены, широкий круг западноевропейских по происхождению общественно-политических понятий радикальной интеллигенции (*во-тиризовать, дебатировать, кооптировать, делегировать, пленум* и др.), которыми думы в старой России "забавлялись игрой в западных парламентариев" (с. 40). В новообразованиях, по мнению автора, надо ориентироваться на славянские языки.

Критике подверглись аббревиатуры, которые С.М. Волконский называет "отвратительным языковым наследством большевиков", набором слов, "по приказу рожденных", "сляпанных из обрубков с полным презрением к законам русского языка" (с. 61). Автор отмечает также распространённость новообразований с суффиксом *-к-а*, имеющих уничижительную окраску (*столовка, читалка* и др.). Рассматриваются значения слова *интеллигенция* и противопоставленного ему выражения *образованное общество*, а также *моральный* и *нравственный* (в их различиях).

К грамматическим авторы относят ошибки в употреблении сослагательного наклонения, отрицания *не* вместо *ни*, сокращение придаточного ("наследственный галлицизм: Подъехав к лесу, раздались крики "банзай"), использование "иностранных" суффиксов (*шпионаж* *вм. шпионство*), одного дополнения после глаголов, требующих разных падежей.

Последняя глава "Об охранителях" посвящена полемике с Н.А. Тэффи, выступившей со статьей "О русском языке" в газ. "Возрождение" (1926, № 565, 19 декабря). По мнению А. и С. Волконских, революционные преобразования в языке на родине - не довод в пользу того, чтобы его не беречь в эмиграции. "Жизнь, здоровье речи состоит в том, чтобы следовать за революционной силой как можно медленнее ... и крепко удерживаться за охранительное начало" (с. 86-87). "Будем непременно помнить о великом значении нашего языка для сохранения и возрождения страждущей Русской Земли" (с. 102).

79. Волконский С.М. Вопросы языка // Звено: Ежемесячный журнал литературы и искусства, основанный М.М. Винавером и П.Н. Милюковым. - Париж, 1927. - № 6.

Полемика с П.М. Бицилли. Об ошибках в ударении слов (*презво'жденный, возбу'дить* и др.). О неправильном употреблении слов *обязательно* (в значении непременно), *информация* (совмещающем два значения: осведомленность и оповещение, объект и субъект, поглощенные в этом случае одним словом). Об использовании в речи ненужных иностранных слов ("недискутабельные суждения", "шофер производит свои артикуляции"), которые "обедняющим образом влияют на мышление, вытесняют богатство и разнообразие мыслительных категорий" (с. 322). Об употреблении глагола *одевать* вместо *надевать*. Кавычки в тексте как знак культуры, "признак не угасшего в человеке чутья критики и самокритики" (с. 323).

80. Волконский С.М. Засорение и чистка русского языка // Дни. - Париж, 1928. - № 1354, 10 марта.

Краткое изложение доклада С.М. Волконского, прочитанного в Обществе любителей русской книги.

Об ошибках в употреблении: *одеть* (вместо *надеть*), *сожалеть кого-нибудь* (вместо *о ком-нибудь*), *ничего подобного, мерси, определенно* (где никакой определенности нет), *упорно не хочет* и др.

81. Волконский С.М. О русском языке // Современные записки. - Париж, 1923. - Т. 15.

То же // Русская речь. - М., 1922. - № 1.

Статья вошла с немногими дополнениями в книгу А. и С. Волконских "В защиту русского языка" (Берлин, 1928).

Пафос статьи: русский язык (самое духовное из наследий родины) в опасности. Об отсутствии эстетически-воспитательной цензуры, выразившемся в признании нового правописания. Критика орфографической реформы, сгладившей различные грамматические категории. Волконский разделяет новые написания на три категории: 1) безвредные (устранение ъ), 2) вредные (буквы *ять, и*), 3) искажающие дух языка и мышление (смешение родов: *е* во мн. ч.; смешение падежей (*её* *вм. ея*), смешение многих элементов (*всё* *вм. всѣ*). Примеры неправильных ударений (*возбу'дить, позво'нит, переве'дены, ходат'айство* и др.). Вытеснение ходким словом-паразитом *обязательно* широкого круга синонимов, передающих тонкие оттенки смысла (*неминуемо, неизбежно, неизменно, обычно, непременно, неуклонно, непреклонно, неотлучно, несомненно, неукоснительно, во что бы то ни стало, не иначе как*) (с. 251-152). Употребление малопонятных иностран-

ных слов, что влияет и на запас умственных понятий "затмевающим образом" (например, *компенсация* в знач. награда). Слияние в одном понятии *продуктивный* разных оттенков, например, *полезный, плодотворный, производительный*. О слове *будировать*, употребляющемся (по созвучию со словом *будить*) в смысле расталкивать, подстрекать, агитировать. Распространение галлицизмов (*марши, антре, куверты, персоны, жалюзи, драпри, портьеры* и др.), которые могут быть легко заменены русскими словами. Неяркость в употреблении многих слов, свидетельствующая об отсутствии культурного чутья и культурных привычек, например, *извиняюсь* ("формула большевистской вежливости"), *какой-то* (вм. *какой-нибудь*), *дабы* (вм. *чтобы*), *подвезло* (вм. *повезло*). Распространение слова *шикарный* в несвойственных ему прежде сочетаниях (сеledка, дуб и пр.): "ужасная обтрепанность в этом словесном одеянии, рыночность", "убогая роскошь наряда" (с. 255). Многие словоупотребления С.М. Волконский маркирует как сословные: *между прочим* (вм. *между тем*), *слишком* (вм. *очень*) - семинарские; *сыграть в ящик, марка* (перен.), *нуль внимания* - юнкерские.

82. Газданов Гайто. Из блокнота // Ново-Басманная, 19. - М., Художественная литература, 1990.

Оценка разговорного стиля бывшего присяжного поверенного: "в вихре революционных событий", "в огне гражданской войны", "на фоне этой исторической катастрофы". "Вспоминаю фразу, которую я читал в воспоминаниях какого-то знаменитого адвоката, что-то вроде этого: "И на мрачном фоне зарождающейся реформы ярко горела персональным факелом индивидуальная совесть молодого помощника присяжного поверенного" (с. 742).

83. Гессен И.В. В двух веках // Архив русской революции. - Берлин, 1937. - Т. 22.

По мнению автора, "революция обесценила и обесценила слово, оторвала его от внутреннего содержания, сделала самодовлеющим, превратила слово в "слова, слова, слова" (с. 369).

84. Гиппиус З.Н. Оправдание свободы // Современные записки. - Париж, 1924. - Т. 22.

То же // Октябрь. - М., 1992. - № 8.

О понятии *революция* в "Философии неравенства" Н.А. Бердяева. Толкование этого слова автором (раздел III). Об окраске слова *коллектив* (нейтрального у Н.А. Бердяева)

ва), но имеющего, по мнению автора, отрицательное значение: "это нечто вроде герценовской "пакуной икры"" (раздел III. О слове *сатанократия* у Н.А. Бердяева, придуманного для современного русского общественно-воспитательно-государственного устройства).

85. Голенищев-Кутузов И. Мистическое начало в поэзии Н.С. Гумилева // Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. - Paris, 1931. - № 144, 29 авг.

О магической силе слова, которое в поэзии Н.С. Гумилева "стало многоплановым, многозначущим".

86. Голицын-Муравлин Дм. В защиту русского языка // Двуглавый орел: Двухнедельный журнал. Орган монархической мысли. - Берлин-Париж, 1922. - Вып. 3.

Об ошибках в словоупотреблении: неразличение *надеть* и *одеть, между прочим* (вм. *между тем*); "дикое выражение" *нанести визит* (нанести можно только удар или оскорбление), *обойтись* (вм. *обойтись*), *предпочтительнее* (вм. *горазде, лучше*). О неграмотном использовании слов *провактор, дезертир*; неверном образовании *большевизм, меньшевизм* (вм. *большевиество, меньшевиество*). По мнению автора, суффикс *-изм* может быть применен только к романским корням. "Говорить "большевизм" вместо "большевиество" столь же недопустимо, как если бы мы стали говорить "максималичество" вместо "максимализм" (с. 38). Автор считает, что эмиграция приняла "большевический жаргон", "осовнаркомилась".

87. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. - Париж, 1937. - Ч. 1. - Кн. 2.

О наименовании *белое движение*. "Подобно белому цветку, представляющему собой синтез всех цветов спектра, Белое движение ожидало, что победа над врагом Великой России сама по себе приведет к примирению всех борющихся партий, классов и других социальных группировок" (с. 136).

88. Григорьев А.Д. История русского правописания и основа его новейшей реформы // Русская школа за рубежом / под ред. проф. И.С. Гессена, прив.-доц. С.И. Карцевского и В.А. Ригана. - Прага, 1923. - № 2-3.

Экскурс в историю русской орфографии. По мнению автора, новая орфография закрепляет на письме явления, еще не завершившиеся в языке. Так, во многих севернорусских говорах *ять* произносится как *И*.

89. Гуль Р. Белые по черному. - М.-Л.: Прибой, - 1928.
О традиционном обращении *товарищ*, "которое стало кличкой, втоптанно в грязь" (с. 232).

90. Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. - Нью-Йорк, 1954.

О выражении *Que faire*, вошедшем "в обиход, в поговору, в постоянный рефрен эмигрантской жизни" (с. 258-259).

91. Ершов Петр. Рец. на: Андрей и Татьяна Фесенко. Русский язык при Советах. - Нью-Йорк, 1955 // Новый журнал. - Нью-Йорк, 1955. - Кн.43.

Книга названа одной из ценных попыток "суммировать сложные наблюдения над советским языком в его русском варианте" (с. 298). Характеристика структуры и содержания книги, представляющей "еще один интересный вклад в филологию" (с. 300). Рецензент отмечает, однако, некоторые "детали словоупотреблений" у самих авторов, которые вызывают удивление. "Например, прямо несколько вульгаризованное название книги - "Русский язык при Советах" (превращение нарицательного понятия в собственное, что принято в просторечии "там") или "односторонность взгляда на язык, как на животный (живой?) организм" (с. 300).

92. Зайцев Б.К. Далекое. - Париж, 1965.

О "южном" произношении Н.А. Бердяева (*проблэма, сэрдце, станьция*) (с. 62).

93. Замятин Е.И. Лица. - Нью-Йорк, 1967.

О языке Ф. Сологуба. "В "Мелком бесе", в "Навях чарах", во многих своих рассказах он намеренно смешивает крепчайшую вытяжку бытового языка с приподнятым и изысканным языком романтика; в "Ваньке-ключнике и паже Жеане" эти диссонансы заострены еще больше и осложняются очаровательной игрой намеренных анахронизмов; в "Сказочках" - новый уклон: игра гиперболизированным фольклором. Всей своей прозой Сологуб круто сворачивает с насезженных путей натурализма - бытового, языкового, психологического. И в стилистических исканиях новейшей русской прозы, в ее борьбе с традициями натурализма, в ее попытках перекинуть какой-то мостик на Запад во - всем этом, если взглянуть внимательно, мы увидим тень Сологуба. С Сологуба началась новая глава русской прозы" (с. 36).

94. Замятин Е.И. О языке // Новый журнал. - Нью-Йорк, 1964. - Кн. 77.

Лекция по технике художественной прозы, прочитанная в 1920 году в "Доме Искусства".

Все виды художественного слова рассматриваются как лирика (раскрытие авторской личности, себя) и эпос (изображение других). По мнению Замятина, между поэзией и прозой нет никакой разницы, ибо внутренние изобразительные приемы совпадают (метафора, метонимия, синекдоха и др.). Внешние различия (ритм, рифма) сгладились. Автор пишет о способе воссоздания языка среды, под которым разумеется художественный синтез, "стилизованный язык" (с. 101).

Описание особенностей народного языка (синтаксис, расстановка слов). В современном народном языке отсутствуют союзы (*который, потому что, так как*); используются динамичные глагольные формы (*хватя, цап*), старинные формы деепричастий (*плетучи, перевиваючи, умываючись*), предлоги-повторы (*как у наших у ворот*).

Настоящим писатель называет язык Олонецкой и Архангельской губерний, не испорченный польским влиянием (на западе России) и еврейским жаргоном (на юге, в Одессе). Ошибки встречаются и у А.П. Чехова, жившего в Таганроге. Тезис: художественный язык должен быть близок к разговорному не только в диалоге, но и в авторском повествовании - пейзаже, описании обстановки и проч. О богатстве языка писателей, использовавших церковнославянские источники, вводивших фольклор, провинциализмы (Н. Лесков, А. Мельников-Печерский, Л. Толстой, М. Горький, И. Шмелев, П. Тренев, Н. Клюев). Замятин признает за писателем "право создавать новые слова" (с. 105). Выявляются изобразительные приемы, требующие "совместного творчества" писателя и читателя: 1) незаконченные фразы; 2) ложные отрицания и утверждения; 3) пропущенные ассоциации, намеки; 4) реминисценции (с. 113).

95. Земцов Илья. Советский политический язык. - London, 1985.

Автор определяет советский политический язык как фикцию, созданную двумя пластами слов: 1) словами, отражающими искажаемые, но существующие факты (*встречный план, доска почета, колхоз, очкоутирательство, анонимное письмо*); 2) словами-фикциями, которые передают понятия, лишенные всякого социального смысла

(авангард, боевитость, идейность, горизонты, дружба народов и др.). По мнению автора, система "единомыслия" обеспечивается не столько штампами и стандартом, сколько непрямолинейностью, закодированностью одних понятий (*вертушка, распределитель, кремлевский паек*) и чрезмерной информативностью, перегрузкой содержания других (*коммунизм, оппортунизм, антисоветизм* и др.). О словах-символах, "обожествленных" приемами риторики (*партия, труд, план, соревнование*). Оценочные слова (*аполитичность, отребье*). Автор предлагает словарь-справочник, раскрывающий реальное значение вещей-понятий, завуалированных языком. Экспансия военной лексики (в связи с представлением о СССР как едином военном лагере). Задача книги - помочь преодолеть сложившиеся стереотипы.

96. Зензинов В.М. Русское устье (Из дневника ссыльного) // Современные записки. - Париж, 1920. Т. 1.

Толкование диалектных слов: *дым* (дом), *заструги* (узоры снега), *постники* (желающие говеть), *мангазая* (амбар), *битва* (хлопоты во время съездов), *крутить голову* (убирать заплетенные на девятишке косы молодой под платок), *проголосный* (протяжный), *цыпленок* (молодой медведь), *пасть* (ловушка), *урас* (земляная юрта) (с. 68-79).

То же // Современные записки. - Париж, 1920. - Т. 2.

Бекас (барашек), *ветка* (лодочка для одного человека с одним веслом), *погода* (ветер), *гусевание* (охота на птиц), *юкола* (сушеная на солнце рыба), *барадан* (болота), *лайды* (озера) (с. 59-65).

То же: Зензинов В.М. Пережитое. - Нью-Йорк, 1953. - С. 162.

97. Зеньковский В.В. История русской философии. - Л., Это, 1991. - Т. П. - Ч. 2.

Предметный указатель тем и соответствующей терминологии, о которых идет речь в книгах (*алогизм, антинимизм, антрополатрия, всеединство, дуализм, индивидуализм, имманентизм, иррационализм, историсофия, плюрализм, провиденциализм, символизм, соборность, трансцендентализм, феноменология* и др.) (с. 258-267).

98. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. - Париж, 1955.

О термине *Евразия*, "который означает, что Россия принадлежит одновременно двум мирам - Европе и Азии; двуликость России и в то же время органическое единство в ней различных начал и хочет выразить термин "Евразия" (с. 158).

99. Зернов Н. Русское религиозное воззрение XX века // Пер. с англ. - Paris, 1974.

О языке книги П. Флоренского "Столп и утверждение истины", которая "революционизировала не только богословское мышление, но также стиль и форму русской богословской литературы. Вместо прозаической печати и сухого языка, обычных для подобных изданий, он изложил свои глубокие размышления о природе нашего знания о Боге в форме двенадцати интимных писем к другу. Его богословские экскурсы сопровождалась лирическими отступлениями, поэтическими описаниями русского пейзажа и рассуждениями о личных переживаниях" (с. 113-114).

100. Иванов Вяч. Наш язык // Из глубины: Сборник статей о русской революции. - М., 1918; М., МГУ, 1990.

То же // Иванов Вяч. Эссе, статьи, переводы. - Paris, 1985.

То же // Иванов Вяч. Собр. соч. - Брюссель, 1987. - Т. IV.

То же // Русская речь. М., 1991. - № 1. Публикация и вступительная заметка "Эссенстика Вяч. Иванова" Л.М. Грановской.

101. Иванов Вяч. Примечания к Собр. соч. - Брюссель, 1979. - Т. III.

О слове *феория* (процессия), введенном в речевой обиход И.С. Турганевым (с. 375).

102. Иванов П.К. Епархиальный съезд в Москве для выборов членов Собора 1923 // Путь: Орган русской религиозной мысли / Под ред. Н.А. Бердяева. - Париж, 1925. - № 1.

О некоторых особенностях языка и стиля ораторов "живой церкви", например, "совершенное отсутствие эпитетов *христианский* и *религиозный* и замена их эпитетами *революционный* и *трудящийся* ("Христос был трудящийся") (с. 141). "На Остоженке, например, приходской священник, прекрасный оратор, получив от ВЦУ митру, заговорил к ужасу прихожан таким языком: "И вот из толпы народа приветствуют Спасителя, - говорил он в Вербную Суботу, - толпы нашего Иерусалимского народа

подстилают одежды под ноги Его, и Он грядет на ослати - настоящий трудящийся элемент!" (Там же).

103. Иваск Ю. Вступительная статья к книге: В.В. Розанов. Избранное. - Нью-Йорк, 1956.

О мастерстве В.В. Розанова. "Ямщицкая или бабья небрежность розановской речи обманчива. Нелитературность "Уединенного" или "Опавших листьев" - это и есть литературный стиль Розанова" (с. 49). "Стилистика Розанова - обычно разговорная, читая его - слышишь его голос" (там же). О розановских забавных вульгаризмах (*литературочка, революционерушка, танцишки* и др.). Олитературенные неправильные (и нелепые) выражения: "Ничего подобного не плакали", "Плевать во все лопатки"; замена имени глаголом или группой слов: "О мое "не хочется"; "С "я умру"" и др. "Снижение высокого и высота низменного - это поэзия Розанова" (с. 50).

104. Иваск Ю. Рец.: Вячеслав Иванов. Собрание сочинений. Третий том. - Брюссель, 1979 // Russian Language Journal: Русский язык. - Michigan State University. - 1983. - vol. 37. - № 126-127.

О языке Вяч. Иванова, где "немало церковнославянских архаизмов и диковинных слов, но встречаются и народные выражения, например, *октяся* (с. 257). Цитируя строки Вяч. Иванова: "Журчливый садик, и за ним Твоя нагис мощи, Рим!" автор отмечает, что "русским уменьшительным *садик* В. Иванов как-то одомашил, обрусил Рим (да и прилагательным *журчливый*), и дал такую великолепную формулу его руин - это *мощи*, слово, которое "невольно ассоциируется со словом *мощь* в родительном падеже" (с. 258).

105. Ильин В.И. Иночество и подвиг // Путь: Орган русской религиозной мысли / Под ред. Н.А. Бердяева. - Париж, 1926. - № 4.

Автор утверждает, что в "злом обществе" речь служит разделению людей. Возникают разные формы пустословия, срамословия ("копролалия") и злословия - "от примитивно-грубых до утонченнейших и лукаво-двузначных" (с. 77). Бедствие - власть языка и фраз (глоссократия наряду с охлократией и педократией).

106. Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. - М., 1991. - № 5.

О понятии *тиран* (с. 136-137).

107. Ильин И.А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин-Ремизов-Шмелев. - Мюнхен, 1959.

О словесном мастерстве И.А. Бунина. Стиль его "поет", когда он подходит к чистой природе; чем психологичнее тема, тем рефлексивнее стиль" (с. 57). Изображая простонародную стихию, Бунин создает особый стиль и язык: "первозданный, крепкий, древний, ядреный, горько-отстойный" (с. 58). Стихийно-чувственное восприятие определяет и структуру текста, в которой отдельные фразы "не подчиняются, а сочиняются", "нанизываются, как бусы" (с. 59), "осложняют "проспект" изложения "боковыми улицами". Такие периоды разворачиваются в бесконечные недифференцированные гирлянды предложений, иногда не поддающихся пониманию при первом чтении" (там же). Особое строение фразы, при котором подлежащее отодвигается к концу, передавая "ритм духовного безволия" (с. 61).

Своеобразие языкового мастерства А.М. Ремизова. Новообразования - односложные слова (*мык, плев, дых, рынь, взвихрь, кил* и др.), передающие интенсивность, раскаленность чувства. Рассуждения о неуравновешенности, "капризности" стиля Ремизова - "разламывание" языка, художественно оправданное" (*собаки на голову визжали, надо какая-то работа* и др.). Это "ни на что не похожий, своенравный и, в сущности говоря, художественно-беззаконный, анархический, юродивый стиль, которому недостает простоты и "предметности" равновесия, меры и строгого вкуса" (с. 124).

О прозе И.С. Шмелева, стиль которой "оказывается верным и властным дыханием акта, образа и предмета" (с. 143), "он певуч, насыщен и страстен" (с. 146). Язык Шмелева прост, народен; им говорит русская толпа или полунинтеллигенция, часто с небольшими, переводимыми на другой язык искажениями. "В этом языке звучит и поет открытость русской души... эмоциональная подвижность и живость воображения, присущие русскому народу За этой непосредственностью читатель увидит с т и х и ю г л у б о к о м ы с л и я, иногда укрытую за простой нежданно-естественной игрой слов" (с. 146). За обиходным словом скрывается целое мирозерцание - нравственное, политическое, религиозно-мистическое. Новообразования, используемые трагикомически (*победный комитет,*

прикосновение личности, волконалия). Это "неожиданные взрывы смысловых возможностей" (с. 148). Установка на язык рассказчика, его личность. Слово включено в бытие и лишено собственно эстетического выражения. Выразительность паузы у Шмелева - "эмоциональный перерыв", возникающий от интенсивности переживания (*восклицание - пауза - выстрел*). "Парение сердца" рождает особый порядок слов, пропуск ненужных подлежащих, помещение главных акцентных слов в ритмически сильную позицию. Напевность прозы И.С.Шмелева, многообразие ее ритмов (*созерцающий, былинно-распевный, рвано-бредовый, лирически-трепетный* и др.). "Эстетическая материя у Шмелева... повинуется бытию образа и ритму самого художественного предмета" (с. 154).

108. Арх. Иоанн (С.Ф. Шаховской). Книга свидетельств. - Нью-Йорк, 1965.

О преобразованиях библейских и античных символов в христианстве (*корабль, якорь, агнец, виноградная лоза, пастух*). О трудности "высоких самоименований": толкование понятий *христианин, православный*.

109. Арх. Иоанн (С.Ф. Шаховской). Московский разговор о бессмертии. - Нью-Йорк, 1972.

О неправильном использовании кавычек в названии статьи "Архисрей в роли "толкователя" марксистской философии", помещенной в журнале "Коммунист". Слово "толкователя" было взято в кавычки. Человек, тонко чувствующий русский язык, не взял бы этого слова в кавычки. Если сказано, что "в роли", то этим определено, что толкователь тут не подлинный. Кавычек, значит, не нужно для слова "толкователь". Если же кто выступает в роли "толкователя" (в кавычках, т. е. не подлинного толкователя), тот должен быть признан толкователем подлинным. "Минус на минус дает плюс" (с. 124).

110. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. - Братислава, 1954. - Ч. 1.

111. Исаченко А.В. Древнерусские этюды: I. К фонетике древнейшего периода русского языка; II. К морфологии древнейшего периода русского языка. - Ljubljana, 1941.

112. Исаченко А.В. Жизнь прожить // Russian Linguistics. - 1979. - Vol. - 4. - № 2.

Об ударении в фамилии Керенский. "Только хамы произносят К'еренский и черносотенцы" (с. 134).

113. Исаченко А.В. Из наблюдений над "новой рифмой" // Slavica poetica. Essay in honor of Kiril Taranovsky. - Mouton, 1973.

По мнению автора, русское стихосложение, так чутко отзывавшееся на всякие новые веяния, не сбросило "смирительную рубашку рифмы", сохранив с нею и строфическое членение стихотворного текста. Причина - в сознательном отталкивании от декадентства. Однако фактическое созвучие всех элементов концевой повтора в ряде случаев было заменено неточными рифмами, ибо предсказуемый повтор стал тривиальным. Нарушение точности рифмы создало стилистический эффект концевой созвучия (*усталый - скалы*). Центр тяжести был перенесен с абсолютного конца строки на отрезок, предшествующий конечному ударному слогу. Акустическое тождество концевой повтора заменяется условной эквивалентностью.

Автор считает одним из замечательных свойств русской поэзии "сочетание дерзновенных новаторских тенденций с бережным отношением к поэтическому наследию" (с. 212), мобилизовавшей скрытые языковые ресурсы.

114. Исаченко А.В. Ломоносов и теория стилей // Ceskoslovenska rusistika. - Praha, 1968. - № 3.

О теории трех стилей М.В. Ломоносова. Автор считает, что роль этого учения в языковой практике была явно преувеличена. "С распадением весьма условной эстетической системы классицизма распадалась и стилистическая регламентация языка" (с. 149). Современный литературный язык нельзя отождествлять со средним стилем Ломоносова: он впитал множество "низких элементов". Ломоносов правильно оценил стилистическую роль церковнославянских элементов, придавших русскому языку новое стилистическое измерение, способность "возвышаться к важному великолепию". В отличие от стилистически слабо дифференцированных языков (например, украинского, отказавшегося от церковнославянского наследия), русский язык обладает наличием тонких стилистических регистров.

"Российская грамматика" сыграла выдающуюся роль; учение же "о трех штилях", по мнению А.В. Исаченко, в истории развития литературной речи было лишено практического значения.

115. Исаченко А.В. Опыт типологического анализа славянских языков / Перевод с немецкого В.В. Шеворошкина // Новое в лингвистике. - М., 1963. - Вып. III.

116. Исаченко А.В. Рец. на: Гончаров Б.П. Звуковая организация стиха и проблема рифмы. - М., 1973 // Russian linguistics. - 1974. - № 2.

По мнению автора, традиционная метрика превратилась в науку о стихе исключительно благодаря открытиям русских филологов, установивших в 20-е годы XX столетия законы языковой организации стихотворной речи. Запад в свое время недооценил оригинальности и теоретической значимости этих посылок, подвергнув критике авангардную группу русских ученых, неосторожно назвавших себя формалистами. Через полвека эти идеи породили структурализм. Автор отрицательно оценивает рецензируемую книгу, называя ее не просто слабой, но и вредной.

117. Исаченко А.В., Колар В. Словацко-русский словарь. - Братислава, 1959.

118. Исаченко А.В. Слово *почта* и его прототип // Ceskoslovenska rusistika. - Praha, 1959. - № 4.

О происхождении слова *почта*. Приводятся материалы, подтверждающие его заимствование из польского, а не немецкого языка.

119. И. Шутка с Достоевским // Благонамеренный: Журнал русской литературной культуры / Под ред. Д.А. Шаховского. - Брюссель, 1926. Кн. II.

По мнению автора, Госиздат передал "извращенно" слово *бог* в "Письмах Достоевского к жене" (М.-Л., 1926): если речь идет не о многобожии, оно пишется всегда с заглавной, как это принято в исторической науке (с. 171).

120. Карцевский С.И. Новая орфография // Русская школа за рубежом / под ред. проф. И.С. Гессена, приват-доц. С.И. Карцевского и В.А. Ригана. - Прага, 1923. - Кн. 1.

Новое правописание, по мнению С.И. Карцевского, является академическим. Оно было введено в 1917 году Министром просвещения во Временном правительстве проф. Мануйловым (и было прозвано в шутку "мануилицей"). До закрытия инакомыслящих газет большевиками (летом 1918 г.) вся русская пресса в основном работала по старой орфографии.

По мнению С.И. Карцевского, "новая орфография не затронула ничуть ни одной из важнейших основ русского

написания: русский алфавит как система ничуть не пострадал" (с. 7). Противники ее хотят отмежеваться от большевиков хотя бы восстановлением ъ, Ъ. "Буква Ъ воспринимается эстетически: говорят о ее готической заостренности, уподобляют русской часовенке с крестом на коньке" (с. 3). Карцевский считает, что "эстетичность правописания - вещь условная и всецело сводится к привычке" (с. 3). Резонно, что орфографическая традиция пострадала во время социальной ломки. С.И. Карцевский защищает новую орфографию, рассмотрев ее отношение к русской фонологической системе и русской грамматике: 1) Ъ и Е соответствовали одному звуку; в ходу было двойное написание: *лекарь* и *лькарь*, *хмель* и *хмѣль*, *копейка* и *копѣйка*; 2) *фитой* почти никто не пользовался; 3) *і* - и употреблялись с той же значимостью, что у других славянских народов; 4) ъ никакого звука не обозначал: экономия в типографском наборе составляла 4% текста.

"Точно так же различие винительного и родительного падежей *еѣ* и *ея* - вещь искусственная и вместе с тем пагубная, ибо под влиянием начертания многие русские и на самом деле начинают выговаривать "ея" и тем, с одной стороны, портят русский язык, с другой же стороны, излишне способствуют все большему обособлению литературного языка от народного. То же самое можно сказать о формах *онѣ* и *однѣ*, в живом языке давно уже не существующих" (с. 6). "О "ненаучности" и "безграмотности" новой орфографии говорить могут только люди в этих вещах некомпетентные" (с. 7).

121. Карцевский С.И. О формально-грамматическом направлении // Русская школа за рубежом / Под ред. проф. С.И. Гессена, прив.-доц. С.И. Карцевского и В.А. Ригана. - Прага, 1925. - Кн. 12.

Учение Ф.Ф. Фортунатова о форме. По мнению С.И. Карцевского, подход к языку должен быть иным. "Слово есть потенциальный член фразы" (с. 51). Фраза строится иерархически. Простейшие синтагматические отношения строятся по чисто смысловому отношению. Отсюда ясно внутреннее строение слова. О синхронии, статике и динамике в языке. Естественный путь обучения - от словаря к грамматике. "Нужно иметь в виду духовную, смысловую сторону родной речи, систему значимостей, а не мертвый анализ" (с. 65).

122. Карцевский С.И. Педагогический съезд в Праге // Воля России: Журнал политики и культуры. - Прага, 1923. - Т. VI-VII.

О съезде средней и низшей русской школы за границей (2-7 апреля 1923 г., Прага). Особый интерес вызвали доклады о русском правописании.

В защиту старой орфографии было прочитано два доклада - проф. К.И. Арабажина (Рига) и С.Г. Попича (Париж); защитники нового правописания также представили два доклада - проф. А.Д. Григорьева (Брест) и приват-доц. С.И. Карцевского (Прага). В пользу нового правописания высказался Союз русских педагогов в Чехословакии, новая орфография была признана в Латвии и Эстонии. Против новой орфографии высказались русские преподаватели в Болгарии и Югославии. Аргументы: за ней стоит авторитет Академии наук и ряда съездов. Доводы против носили скорее политический, чем научно-педагогический характер. Так, проф. Спекторский назвал новую орфографию "распутинской", проф. Д.Н. Вергун говорил об "убиенных и умученных" за верность букве Ъ. С.Г. Попич (Париж), процитировав последние строки поэмы А. Блока "Двенадцать", просил "оставить нам нашего Иисуса Христа в белом венчике через Ъ!" (с. 106). По мнению С.И. Карцевского, серьезных доводов было мало, за исключением справедливого указания проф. К.И. Арабажина на "слепой характер написания двух восьмеричных И в таких словах, как *линии*", "на что ему было отвечено, что написание *пиши* тоже не более зрячее" (с. 106). Сторонники нового написания (например, проф. С.М. Кульбакин) отстаивали необходимость сохранить букву Ъ, ибо в других славянских языках и диалектах ей соответствует иной звук, нежели Е.

Съезд принял компромиссную резолюцию, внесенную И.С. Гессеном и С.И. Карцевским: несвоевременно решать вопрос об орфографии и вносить разлад в уже сложившуюся в русских зарубежных школах практику. С нового правописания было снято прежнее обвинение. "Большевицкой" орфографии больше нет. Есть старая, готтовская, и новая, реформированная, и школы сами вольны делать выбор между обеими.

123. С.И. Карцевский. Повторительный курс русского языка. - Прага, 1928.

124. Карцевский С.И. Рец. на: / Гусев Н. и Сидоров Н. Синтаксис русского языка: Учебное пособие для школ второй ступени. - М., 1923 // Русская школа за рубежом / Под ред. проф. И.С. Гессена, приват-доц. С.И. Карцевского и В.А. Ригана. - Прага, 1923. - Кн. 7.

125. Карцевский С.И. Рец. на: Е. Сван (Резвая). Элементарно-практическая грамматика русского языка. - Прага, 1923 // Русская школа за рубежом. - Прага, 1924. - Кн. 9.

126. Карцевский С.И. Родной язык и школа // Русская школа за рубежом / Под ред. проф. И.С. Гессена, приват-доц. С.И. Карцевского и В.А. Ригана. - Прага, 1923. - Кн. 5-6.

Обзор грамматических концепций, используемых в преподавании русского языка в школе; несостоятельность логико-грамматического направления. О постановлениях Первого Всероссийского съезда преподавателей русского языка средней школы (декабрь 1916 - январь 1917 гг.).

127. Карцевский С.И. Русский язык и революция // Общее дело. / Под ред. В.Л. Бурцева. - Париж, 1921, № 208, 8 февраля.

О лингвистическом наследии первой русской революции (*ка-де, эсдек, комитетчик, партиец, черная сотня, штрейбрыхер, экс, смертник, заклепка 'папаха', массовка* и др.). В книге проф. А. Мазона "L'lexique de la guerre et de la revolution en Russie" (Paris, 1920) запечатлены в словах пережитые события (*пролеткульт, жерениада, теплушка, похабный мир, самостийность, золотопогонники, стенка, комиссародержавие, твердокаменный* и др.). По мнению С.И. Карцевского, события не затронули своим влиянием основ языка, т. е. его грамматики. Примеры языковых нарушений (*извиняюсь, хочу свистеть на это и др.*). О новой орфографии (академической, а не большевистской), на которую следует перейти.

128. Карцевский С.И. Халтура // Последние новости. - Париж, 1922. - № 553, 3 февраля.

О языковом наследии времени революции и гражданской войны. Переосмысление слова *халтура*, созданного "для обозначения развенчанного, опозоренного, ошельмованного труда", порожденного эпохой безверия, усталости и индифферентизма. Сниженность стилистической окраски, обусловленная звуковой формой: слова с комплексом *хал, хол* и др. чаще всего входят в разряд просторечий. О

сокращениях (ГВИУ, ГАУ и др.), о переосмыслении слов *мешочник, шкурник, комиссар, буржуйка* 'маленькая печка', *паек, разменять* 'убить', *операция* 'обыск, арест'. Наименования денежных знаков в гражданскую войну: *крылатки, врангелевки, фазанчики, колокольчики, лимон* и др.

129. Карцевский С.И. Язык, война и революция: Научно-популярный очерк // Современные записки. - Париж, 1922. - Т. 10.

Краткая характеристика языковых новшеств в русском языке в 1914-1922 гг., их роль в обновлении системы языка. Новые слова, образованные на базе существующих словообразовательных элементов. Оттенок вульгарности в словах на -к- там, где назывались вещи серьезные (*Чрезвычайка, Интернационалка, Изобразилка* и др.). Сложносокращенные слова, распространившиеся со времени первой мировой войны. Типы сокращений (буквенные, звуковые, слоговые, сложные). О мотивированных и немотивированных наименованиях. По мнению Карцевского, процессы словотворчества в это время являются обычными, но совершаются в ускоренном темпе.

130. Карцевский С.И. Язык, война и революция: Русское универсальное издательство. - Берлин, 1923.

Книга С.И. Карцевского посвящена эпохе "войн и революций". "Социально-политический сдвиг, коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны по-новому дифференцированного общества - все это оставило глубокий след на русском языке, точнее, на нашем словаре. Языковых новшеств накопилось так много, что некоторые наблюдатели уже говорят о "революции в языке". Мы предпринимам здесь попытку разобраться в этих новшествах и определить их значение для всей системы русского языка" (с. 3).

Книга состоит из следующих частей: Вступление. I. Старые и новые слова. II. 1905 год. III. 1914-1922 годы. IV. Сокращения. V. Словопроизводство. VI. Язык революции и революция языка. Послесловие.

В первой главе "Старые и новые слова" Карцевский делает "небольшую экскурсию в область семантики" (с. 5), подразделяя основные слова на мотивированные, где ясна и прозрачна связь между обозначаемым и его обозначением (*кукушка, подсолнечник* и др.), и немотивированные -

"слова-этикетки", которые прямо обозначают понятие, без видимой связи между обозначаемым и обозначением (*дуб, конь, вода, гулять, работать* и т. д.). Однако этот круг слов был некогда мотивированным (*ветчина - ветхое, невеста - новейшая* в роде, т. е. только что вступившая в семью). Новые слова, как правило, представляют собою видоизменение уже существующих, например, *мешочник* (так с 1918 года называли тех, кто возил продукты тайно, для продажи, в мешках) построено по типу *сапожник, работник* и проч. Слова *учредилка (учредиловка), потребилка (потребиловка)*, имеющие "разгильдяйский характер" (с. 13), используют продуктивный суффикс -к-, который, присоединяясь к серьезным понятиям, придает им вульгарный характер (*агитка, провизионка, чрезвычайка, изобразилка, интернационалка*). Из новейших образчиков переосмыслений С. Карцевский называет также слово *извиняюсь*, превратившееся в формулу вежливости типа "виноват"; словом *барышня* называют прислугу в кафе и ресторанах. К исконным средствам обогащения словаря присоединились сокращения (*эсер, Совдел*), а также широкий круг производных от новых слов (*совдения, совденский, мешочничать, старостат* и др.). Карцевский определяет две причины для развития словотворчества: 1) новые понятия требуют новых обозначений (*Лига наций, большевизм, соглашательство, броневик, митинговать*); 2) необходимы экспрессивно окрашенные слова: начинают говорить *угробился* (пригробился), т. е. расшибся, но не убится. "Говорят также *угробить*" (разбить) аппарат. В белых армиях говорили *угробить* в значении 'убить'; там же было в ходу "вписать или внести в расход" (с. 17). Карцевский отметил множество перифрастических выражений, употребляемых вместо понятия *смерть (поставить к стенке, отправить на митинг, в штаб Духонина, в конверт и на почту* и др.).

В главе II "1905 г." С. Карцевский описывает первую волну языковых новшеств, связанных с серьезными социально-политическими потрясениями, начинающимися с русско-японской войной и заканчивающимися столыпинской реакцией (*гаолян, шимоза, самурай, воронка, шранель, гетры, ханжа* 'водка из гаоляна' и др.). Война не оставила заметного лингвистического наследия, но последующий период - борьба за демократизацию государственного строя, деятельность Государственной думы - ввел

в обращение большое число понятий, большей частью заимствованных из французского и немецкого языков (*аграрный, анархизм, директивы, кворум, мандат, манифестация, национализация, муниципализация, провокатор, прокламация, фракция, терор, штрейкбрехер, экспроприация* и др.). Другим источником словаря стало переосмысление: *товарищ 'сочлен по партии', массовка 'тайное собрание рабочих', маёвка 'социалистический праздник 1 Мая', раскассировать 'распустить', явка 'незаконный адрес и связанный с ним пароль'*. С развитием авиации укрепилось слово *летчик* (вытеснившее старое *авиатор*), а также *пилот, пилотаж, пропеллер* и др. Развитие кинематографии ввело слово *фильм, зафильмовить, оператор, синематограф* и др. Литературные и художественные течения породили слова *футуризм, акмеизм, мирискусники* и др. На страницах журналов появились новые философские термины: *вчувствование, самость, ячность* (последнее Карцевский называет "чудовищным образованием") (с. 30).

В главе III "1914-1922 гг." Карцевский рассматривает широкий круг сокращений, к которым война приучила население (*военмин, армком, земгор, наштакор, командарм* и др.). "Большинство слов и выражений было переосмыслено под политическим углом, в частности и особенно под влиянием гражданской войны, которая оставила после себя значительное языковое наследство именно потому, что это была не просто война, а политическая борьба с оружием в руках" (с. 31). Об оценочности широкого круга наименований (*колчаковские банды, белогвардейская сволочь, Деника-воин, похабный мир, агенты Антанты, наемники мирового капитала* и др.). Большое число эфемерных наименований бытовало для денежных знаков (*ленинки, думки, керенки, фазанчики, ленточки, крылатки, лимон, китайки, вавилонки* и др.). Террор создал жаргон (*Лубянка, Гороховая, операция 'обыск', 'арест', подводчик 'агент-провокатор', чекнуть 'расправиться', Вера Михайловна - высшая мера наказания, Манечка - московская ЧК, Женечка - железнодорожная ЧК* и др.). Карцевский отметил изнашиваемость ходовых штампов в официальном языке, связанных с употреблением слов *красный, трудовой, революционный, рабоче-крестьянский, советский* и проч. Ряд слов используется в каламбурах: *хамовоз, Хамбург (Петроград), кобеляка (кулебяка), (электрофик-*

ция, социал-фрейлина, совбуры, Шмольный, прежидиум и др.).

В период 1919-1922 гг. политический словарь сложился, и речь идет об усвоении заимствованной терминологии (*диктатура, саботаж, трибунал, инструктор, шеф, шефство, ликвидировать, конфисковать, предпарламент, федерализм* и др.).

Оценивая процессы, происходившие в русском литературном языке начала XX века, С. Карцевский одним из первых обратил внимание на язык русской эмиграции.

"Нужно полагать, - писал он, - что на русском языке скажется влияние долгой жизни за границей более чем двух миллионов эмигрантов, покинувших советскую Россию, а также и бывших военнопленных, часть из которых до сих пор еще находится интернированной в концентрационных лагерях. Именно в эмиграции возникли слова *большевикан (bolchevisant), большевиканствующий; размен*, т. е. льготный обмен русских денег на местные в Сербии и Болгарии; *сменовеховцы*, сотрудники органов "Смена вех" и "Накануне", призывавших к сотрудничеству с большевиками, которыми они, к слову сказать, были остроумно окрещены, как "национал-большевики"; там приобрели особую, нередко трагическую популярность термины *виза и валюта* (ср. шуточное В., В., В., т. е. "вши, визы и валюта" - главные козны, преследующие беженцев, направляющихся за границу; в эмиграции родились *рейхентальцы* и родилось слово *черный* для обозначения крайне правых. Беженецкий быт способствует формированию особого argot, в который входит значительное количество заимствований из языка той страны, где обосновалась данная категория эмигрантов. Было бы интересно и поучительно обследовать язык русских беженцев в разных странах" (с. 42-43).

Четвертая глава посвящена сокращениям, по количеству которых "русский язык безусловно занимает первое место" (с. 42). Рассматриваются буквенные и слоговые сокращения, известные до революции (*Лензото, эсер, кадет*) и возникшие в годы гражданской войны и эмиграции (*нэп, губчека, Главконефть, ревтрибунал, Добрармия, начдив, ОРЭСО* и др.).

Пятая глава посвящена словопроизводству с аффиксами -ун, -ия, -ист, -ач, -тель, -изм, -ер (в системе существ-

вительных), анти-, про-, контр- (в системе прилагательных), образованию глаголов и др.

Обобщая в шестой главе ("Язык революции и революция языка") процессы переосмысления, заимствования, словопроизводства, дифференциации синонимических слов (*резиньякция - покорность, пиэтет - уважение, эстатизм - государственность*), Карцевский отмечает, что серьезно говорить о "революции" в русском языке не приходится, ибо все процессы, наблюдающиеся в русском языке, являются обычными, нормальными языковыми процессами, но с ускоренным темпом" (с. 68-70).

В послесловии сказано о неразработанности ряда лингвистических процессов, например, "умирания слов". Огрубление, "словесная неводержанность" вошли в литературный язык еще в начале XX в. через художественную речь (Л. Андреев, М. Горький). Карцевский отметил также сдвиг в ударениях слов *фонограф, филолог, буржуазия*.

131. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. - Париж, 1959.

Приводятся суждения А.М.Ремизова о языке и стиле, а также ряд рекомендаций. Например, избегать общих определений (*тоска, зависть*); не употреблять никаких "девушек" и "молодых людей": "всегда слащаво и неопределенно" (с. 129). "Мертвые слова" - бессмысленные языковые штампы: "ничего подобного", "очень просто", "значит" (с. 130). В прозе следует избегать глагольных созвучий (*гореть - глядеть - сопеть*). Стиль в художественном произведении создается не словами, а "вязью слов и ладом фраз" (с. 141). Об А.С. Шишкове, живучести его церковнославянской выси (*сей, понеже, како* и др.). Оживление литературной речи "вяканьем" (Даль, Лесков). По мнению А.М. Ремизова, "наша проза по европейской указке заянкет и не выразительно обратится в набор слов" (с. 146). Интонация в прозе. "Слово - это дыхание живой неписанной речи" (с. 142). Этимология слов *чужой, чары, Хава*.

132. Копецкий Л.В. Из жизни языка социальных групп (о языке тшебовских гимназистов) // *Slavia*. - Praha, 1920. - Т. VIII. - Вып. 2.

Статья посвящена наблюдениям над языком учеников русской гимназии в Моравской Тшебове (Чехословакия). Революция нарушила традиционную жизнь языка, "завихрила языковую стихию", и современное поколение являет-

ся свидетелем изменения значений, интерференции, взаимодействия языков разных социальных групп. "Лингвистические факты, доступные наблюдению в малом отрезке времени, роскошь, в лингвистических исследованиях не часто встречаемая". Интеллигенция уже не является носителем литературного вкуса и нормы. В ученический язык попало то, что считалось вульгарным - "аккорды так называемой блатной музыки" (с. 222), например: *псих, холупка, втереться, втрескаться, стибрить, драпать, слимонить, заливать* и др. Копецкий отметил, что ослабление языковой традиции, вульгаризация речи и в этом смысле понижение языковой культуры "нашли свое отражение не только на территории нынешней России, но и вне ее, где звучит русская речь и где пользуются ею большие или меньшие, совместно живущие социальные группы" (с. 219). Как и в любом жаргоне, здесь широко используется ряд переосмыслений: *надраивать* (учить), *наколоть* (выучить), *плавать* (плохо отвечать урок), *индугенция* (освобождение от уроков), *угробиться* (провалиться на экзамене), *садись* (успокойся) и др. Копецкий выделяет слова "местного тшебовского производства": *паснуть* (передать при игре мяч), *наладить* (выгнать). "Понятия" *драться, бить* передаются в жаргоне тшебовских гимназистов как *гвоздить, лускать, накомтылять, навернуть, сунуть, приварить* и др. В этом жаргоне почти нет заимствований из чешского, за исключением *увичить* (делать гимнастику), *прувод* (шествие). Оторванность от родины сделала этот круг жаргонных употреблений устойчивым, замкнутым, не способным к расширению и дифференциации.

133. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. - Вашингтон, 1967.

То же // Литературное наследство: И.А. Бунин. Книга вторая. - М., Наука, 1973.

Высказывания И.А.Бунина о непереводаемости ряда слов и выражений (*похилий, скиглит чайка* и др.). По мнению писателя, труднее всего передаются слова в близкородственных языках. Происходит это оттого, что они еще слишком близки к природе, они еще в диком состоянии - откуда и их прелесть, и при переводе не входят в семью языков, культурно развившихся (ЛН. - С. 283).

"Он часто говорит с печалью и некоторой гордостью, что с ним умрет настоящий русский язык - его остроумие (народный язык), яркость, соль" (там же. - С. 254).

134. Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария). Последние римляне // Воля России. - Прага, 1924. - № 18-19 (подпись: Юрий Данилов).

То же // Кузьмина-Караваева Е.Ю. Избранное. - М., Советская Россия. - 1991 (печатается в сокращенном виде).

О двойном значении слова *акмэ*, означающем 'стремление к творческому совершенству', 'к включению в свой сотворенный мир всего мира, видимого с творческой вершины' и 'острие' - любовное, острое изображение мира "милых вещей" и себя на острие своего творения.

135. Курдюмов. О Розанове. - Paris, 1929.

О стиле В.В. Розанова, где "он и автор, и действующее лицо одновременно, в какой-то совершенно исключительной неразделенности. ... По глубине и исчерпывающей полноте выявления человека в литературном слове, действительно, после него, кажется некуда уже идти" (с. 13).

136. Левин В.Д. Русская проза начала XX века в истории русского литературного языка // Israeli Contributions to the 8th International Slavists Congress. - Zagreb - Ljubljana, 1978.

О "неклассических" типах повествования в русском литературном языке. Социально-типологическая характеристика состава повествовательного языка, его отношение к общественному узусу в разных его формах (устной и письменной, стилистической дифференциации, литературно-художественной традиции). Формы и типы авторской оценки, способы ее выражения. Принципы художественной трансформации книжной и разговорной речи. Соотношение субъектного (от автора) и объектного (чужого) планов.

По мнению автора, в русской литературе XIX в., основанной на речевом узусе образованного общества, разговорное и книжное уравнивались, не требуя особой художественной мотивировки. О различии разговорного и книжного (как явлений стиля) и устного-письменного (как проявления форм высказывания).

Сказ и авторское повествование. О повествовательном монологе А.М. Ремизова, В.В. Розанова, А. Белого. Орнаментальная проза как "равноправный партнер" классиче-

ской. По мнению автора, ориентация на устную речь создает изысканно-литературную форму монолога, а отнюдь не пласт устной речи.

137. Лозинский Г. Русские авторы в французских переводах // Временник Общества друзей русской книги. - Париж, 1925. - Кн. I.

О языковых ошибках, допущенных при переводе на французский язык "Вечного мужа" Ф.М. Достоевского: *jeter au panier faire disparaître* вместо браковать; "присутственные места" не сводятся к *tribunaux*; *bugeaux* было бы более подходящим термином, чем *administrations*.

"Наводит справки" и "*faire de enquêtes*" - два различных понятия" (с. 55); *retarder* не адекватно глаголу метать, топанье ногами отнюдь не *bruit de pas*. В романе "Рудин" И.С. Тургенева (пер. Семенова) текст зачастую дополнен, осложнен и стилистически отличен от подлинника. Так, Дарья Михайловна заговорила чуть ли не не арго "*cela me petrific*" (с. 57). Неудовлетворительность большинства переводов автор объясняет отсутствием планомерно организованной работы, требующей сотрудничества научных сил.

138. Любитель прекрасного // Числа / Сборники под редакцией И.В. де Манциарли и Н.Н. Оцуца. - Париж, 1930. - Кн. 2-3.

О смысловых и стилистических ошибках в художественных произведениях эмигрантских писателей: "Только своя мудрая рука сможет остановить диалектическое качание обезумевшего в моей душе маятника" (Ф. Степун. Николай Переслегин); "В кустарнике трещат коровы И синие подснежники цветут" (Бунин); "Ресницы ее скрипнули на подушке" (Н. Берберова) (с. 315-316).

139. Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и в народном суде // Архив русской революции. - Берлин, 1922. - Т. VIII.

О слове *ячейка*. "Словцо, получившее после революции особые права гражданства. Не было, кажется, ни одного собрания, где бы оно не употреблялось во всех падежах. Моему воображению "ячейка" представлялась скопищем копошащихся насекомых, и я искренне ненавидел ораторов, употреблявших это выражение" (с. 101).

140. Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. - Мюнхен, 1962.

О формах *верхом* и *верхами*, которые одинаково употреблял А.С. Пушкин, бесспорно, литературный авторитет. Автор возражает С.М. Волконскому, не признающему этот языковой узус, вошедший в литературный язык (с. 259). О языковых небрежностях в языке самого С.М. Волконского: *людское зверинство, перед двумя человеками, поборотая трудность, уши прозвонил* (с. 258).

141. Маковский С.К. Портреты современников. - Нью-Йорк, 1955.

О слове *хореарх*. "Этот остроумный титул поднес Дягилеву один из просвещеннейших знатоков балета и балетный педагог А.В. Будников" (с. 217).

О языке И.Я. Анненского, его метафорической изысканности, "смелости оборотов речи", неологизмах и галлицизмах.

О поэтической речи Вяч. Иванова, ее ритмическом узоре, народных оборотах и славянизмах. Прозаический сказ в форме летописного сказания ("Повесть о Светомире-царевиче").

142. Мейснер Д.И. Миражи и действительность: Записки эмигранта. - М., Изд-во АПН, 1966.

О слове *керенищина* - одном из излюбленных слов политического словаря эмиграции. "Под этим термином русские... подразумевали слабость, неспособность превратить слово в действие" (с. 35). Характеристика ораторского стиля Н.Н. Львова, А.И. Шингарева, А.Ф. Керенского, А.И. Деникина (с. 31, 36, 139, 142).

143. Меркурий. Грамматические сомнения // Звено: Ежемесячный журнал литературы и искусства, основанный М.М. Винавером и П.Н. Милюковым. - Париж, 1927, № 6.

Об употреблении род. и вин. п. при глаголах с отрицанием. Примеры из Тредиаковского, Грибоедова, Пушкина, Козлова.

144. Меркурий. Грамматические сомнения // Звено. - 1928. - № 1.

О галлицизмах, проникающих в разговорный язык и печать. Речь идет не о чисто "технических" терминах (*ажюстер, карт дидантите*), а о словах типа *информация, дискуссия*, которые не нужны. "В появлении их главным образом повинна наша русская лень" (с. 51). О неправильном употреблении слова *аспирация* (вм. желание, стремление). О глаголе *смочь*: "это глагол совершенно

излишний, паразитический" (с. 52). В пословицах и поговорках он употребляется в значении 'одолеть', 'справиться', а не в качестве совершенного вида глагола *мочь*.

145. Меркурий. Грамматические сомнения // Звено. - Париж, 1928. - № 2.

О возможной "перестройке" русского синтаксиса, предлагаемой Г.В. Адамовичем (например, сокращении притягательных предложений при наличии разных подлежащих). О форме рода в заимствованных словах (*тюрбо, депо, конференсье* и др.), где сосуществуют две нормы: книжная и разговорная. "Обрусевшее до последнего шва "пальто" перешло в средний род, "депо" - тоже. Но как мы скажем: "Это тюрбо" или "этот тюрбо" хорошо зажат? В России одно время даже "конференсье" превратили в "предмет неодушевленный", и афиши летних театров обещали публике "интересное конферансье" (с. 104). В "Ответах на вопросы" приводится уменьшительная форма *щец* (от *щи*), запрещается употреблять в род. п. мн. ч. слово *мечта*, заменяемое в этом случае словом *греза*. В "Ответе читателям" - совет избегать слова *определенно*: "это один из любимцев советской эпохи, которые употребляются не к месту: "Он определенно мне не нравится" (с. 104).

146. Меркурий. Грамматические сомнения // Звено. - 1928. - № 3.

О согласовании причастия (в причастном обороте) с временем глагола главного предложения. В разделе "Решения задач" о форме *худее* - "новообразовании, которое едва ли принадлежит литературному языку" (с. 172). По мнению автора, слово *туз* (как термин карточной игры) приравнивается к одушевленному существительному.

147. Меркурий. Грамматические сомнения // Звено. - 1928. - № 4.

О сочетаниях *ряд* и *целый ряд*. Автор относит их к тем современным "тикам", которые следует избегать, ибо эти сочетания используются даже тогда, когда они логически недопустимы. "Нам ничего не стоит написать: "Афганский король посетил ряд городов: Бомбей, Каир, Рим, Париж, Брюссель, Берн, Берлин (хотя, в лучшем случае, когда его величество вернется в Кабул, получится нечто в роде круга) и при этом познакомился с целым рядом государственных деятелей". Между тем, слово "ряд" в указанных примерах не теряет своего прямого значения и сохраняет связанный с ним образ, а в сочетании "целый ряд" этот об-

раз выступает еще отчетливее. Сравните, с другой стороны, ясное и выразительное употребление слова "ряд", совмещающее и образ вереницы и понятие множественности: "Несносно видеть пред собою Одних обедов длинный ряд..."

Об употреблении род. и вин. п. при глаголе *дать*. В грамматическом задачнике разбирается решение задачи на ударение (два ша'ра - шара', ча'са - часа'). Ударение в конце применительно к бильярдной игре, где слово *шар* "приобретает особое значение в силу исключительно субъективного отношения к нему игрока" (с. 224). При этом слово *шар*, как и *туз*, склоняется как одушевленное существительное. В "Ответах читателя" автор называет слово *безмездный* великолепным старым русским словом; оно "логически даже более осмысленное, чем *безвозмездный*" ("продукт XIX в.") (с. 224). Разграничение одушевленного и неодушевленного в словах *раки*, *кильки*, *сардинки*, *цыпленок* и др.

148. Меркурий. Грамматические сомнения // Звено. - 1928. - № 5.

Об оттенках значений в словах *отражение* и *отображение*. В грамматическом задачнике - об ударениях в глаголах совершенного вида с приставкой *вы-*. О значении слов *конспиратор*, *конспирация* и их окраске. "Слово конспиратор в русской речи обладает ясно выраженным ироническим оттенком. "Конспиратор" не есть "заговорщик", не "устраивает заговоры", не "принимает участие в заговорах", а "конспирирует". А *конспирировать* значит окружать все свои действия преувеличенной таинственностью (часто упуская из виду существенное, "пробалтываясь" по русскому обычаю). "Конспирация" - заговор в миниатюрном размере, сплошь да рядом - предприятие малосерьезное, кружковое. Называть по-русски, например, Брута или Кассия или деятелей Французской революции, или, например, Мировича, "конспираторами" совершенно недопустимо. "Конспиратор", "конспирация" сделались словами чисто русскими, бытовыми. В русских условиях возможна даже такая формула: "Заговорщики перешли на конспирацию" (иначе: "ушли в подполье", "перешли на нелегальное положение"). Став словом специфически русским, "конспирация" начала давать новообразования в роде немислимой во французском языке "конспиративной квартиры" (с. 276).

149. Меркурий. Грамматические сомнения // Звено. - 1928. - № 6.

О сослагательном наклонении в русском литературном языке. В разделе "Решение задач" - о значении слова *любимый* (причастие, превратившееся в прилагательное и имеющее значение превосходной степени). "Самый любимый, любимейший, по мнению автора, плеоназм, как и "более лучший" (с. 319). В "Ответах читателям" о слове *сарынь* (толпа простонародья, чернь, мелюзга); *кика*, *кичка*: 1) род повойника с рогами; 2) перекладина, укрепляющая палубу расшивы (особое судно на Волге) на носу; нос судна.

150. Милюков П.Н. Россия на переломе. - Париж, 1927. - Т. 1.

О значении слова *редиска*, введенном в речевой обиход Л.Д. Троцким: "Красные снаружи, но белые внутри" (с. 157). Характеристика ораторской манеры А.Ф. Керенского (с. 82).

151. Москович В.А. Русско-ивритские языковые контакты // Иврит - язык возрожденный: Сборник статей / Библиотека Алия. - Иерусалим, 1984.

Статья включает следующие вопросы: 1) влияние иврита на русский язык (исторический аспект); 2) влияние иврита на русский язык в Израиле; 3) влияние русского языка на современный иврит.

Автор считает, что переводы с иврита, вопреки существующему мнению, появились ранее конца XV века. Так, книга Эсфирь, как показал Н.А. Мещерский, была переведена еще в Киевскую эпоху (XII-XIII века). "О еврейском оригинале говорят такие семитизмы текста, как "по руце Егаеве" - "под надзор Хегая"; "задети руце" - "совершить покушение", а также транслитерация имен и ошибки, вызванные неправильным пониманием ивритской лексики" (с. 159). Глагол "взыти", употребленный для обозначения движения к Иерусалиму, соответствует семантике ивритского глагола "идти вверх", "подниматься"; сочетания со словом "лице" также передаются буквально: "вратити лице", "пред лицом". Эти переводы выполнялись в хазарской среде (см. например: *хур* - белая драгоценная ткань передается русским словом *бобръ*: согласно арабским и иранским источникам, в Хазарии словом *хаз* обозначались одновременно бобровый мех и шелк). В исследованиях А.А. Алексеева показано, что "Песнь песней", переведен-

ная еще до нашествия монголов, содержит ряд заимствований и калек из иврита.

Обилие прямых переводов с иврита в конце XV-XVI вв. было следствием ереси жидовствующих. Многие заимствования и калки из иврита пришли в русский язык через греческий. Кирилл, который знал иврит, заимствовал из него буквы ш, щ, ц. Следы этого посредничества ощущаются в передаче еврейских имен Ветхого и Нового завета. Ср. Аггий/Агей - Хагай, Елисей - Элиша, Савватий - Шабтай, Илия/Илья - Элияху и др. Традиция обеспечила устойчивость их употребления именно в такой форме. Слова, проникшие в русский язык через греческие переводы (*аллилуйя, осанна, серафим, херувим, бегемот, суббота, раввин, левиафан, пасха* и др.).

Позднее с присоединением Польши многие ивритские слова вошли через идиш, на котором говорило многочисленное еврейское население (*кагал, шабаш, хедер, талес, пейсы* и др.). Заимствования из иврита вошли через идиш в русское воровское аргю и профессиональные жаргоны (*параша, хевра, хохма, ксива* и др.). Иврит оказывает сильное влияние на язык русских переселенцев. В свою очередь переводы произведений русской художественной литературы способствовали процессу распространения заимствований и русских калек. Часть этих слов обозначает типично русские реалии (*самовар, гармошка, рубашка*). В ряде случаев заимствованные слова изменяют свое значение: *чемодан* (большой чемодан), *чубчик* (любая мелкая деталь), *бабушка* (платок, повязанный по-деревенски), *черепаха* (перен. 'неловкая', 'нечистоплотная женщина').

Среди заимствований преобладают имена существительные; глаголы весьма редки, например, *картавить, пошел*. Интернационализмы, заимствованные в иврит из русского: *революция, большевизм, протекция, офицер*.

По мнению автора, "проблематика русско-ивритских языковых контактов - обширная и во многом еще не исследованная область" (с. 176).

152. Мочульский К.В. О творчестве Алексея Ремизова // Звено: Еженедельник. - Париж, 1953. - 17 дек.

То же: Русская речь. - М., 1992. - № 5. Публикация С.Р. Федякина.

О словесном искусстве А.М. Ремизова, основанном "на тончайшем чувстве ритма", творческом прикосновении к слову, свободном синтаксисе, где "каждое выражение жес-

тикулирует, фразы движутся", где "синтаксис становится мимикой".

153. Мочульский К. Русская поэзия за границей в 1924 году // Временник Общества друзей русской книги. - Париж, 1925. - Т. 1.

О новом поэтическом направлении "4+1". "Стихи новейшие, с железобетоном и машиностроительством, но без синтаксиса" (с. 66).

154. Муратов П.А. Искусство прозы // Современные записки. - Париж, 1926. - Т. 29.

О слове эссеист. "По-русски для писателей этого рода нет должного наименования, и мы вынуждены именовать их на английский лад "эссеистами" ... "Эссеисты" вообще доказывают, что мысль может быть таким же элементом художественного делания, как и слово" (с. 241).

155. Н. Русь Максимилиана Волошина // Русская мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание / Под ред. П. Струве. - Прага, 1922. - Кн. 1-П.

Особенности поэтического словоупотребления М. Волошина, проявляющиеся в "игре двоемыслием слова" (с. 336). Выявление внутренней формы слова (Славия, слава, sclavius). Звукопись ("Бубны били, песни пели", "На Московском венчанный... Мономаховым венцом"). Стихотворные размеры М. Волошина (сочетание пэонов с ямбом в "Китеже", анапест в "Стенькином Суде"). "Он пользуется древними оборотами, то величавыми, то нарочито простонародными, и в этом чисто русском сочетании возвышенного с ерничеством вся прелесть Волошина. Эпитеты: "претерпевый", "восставый", такая же пышность в выражении: "церквей лепота"; "порядки охальные", "ватажить сарынь", "полетье", "пощупать помещиков", "хлеб из кала и мезги", "вихрь витной", "пасолнцы" (вторичные солнца, как пасынок - вторичный сын, падчерица - вторичная дочь), "сопели", тело "пело на яру", "в рундуках", "по-над Волгой", "по-над Москвой" (с. 340). Стилизация "Заключения о Русской земле" под народную песню.

156. Набоков В.В. Дар. - Нью-Йорк, 1952.

О форме местоимения *оне*: "наше удивительное множественное число, которое пытается выразить качество через количество" (с. 245).

157. Набоков В.В. Другие берега. - Нью-Йорк, 1954.

То же // Набоков В.В. Другие берега: Сборник. - М., Книжная палата, 1989.

В предисловии к русскому изданию этой книги, написанной первоначально по-английски, автор пишет о трудностях перевода "на прежний, основной язык". "Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо".

О "цветном" ощущении букв. "Черно-бурую группу составляют: густое, без галльского глянца, А; довольно ровное по сравнению с рваным R P; крепкое, каучуковое G; Ж, отличающееся от французского J, как горький шоколад от молочного; темно-коричневое, отполированное Я. В белесой группе Л, Н, О, Х, Э ... Переходя к спектру, находим: красную группу с вишнево-кирпичным Б (гуще, чем В); розово-фланелевым М и розовато-телесным (чуть желтее, чем V) В; желтую группу с оранжеватым Ё, охряным Е, палевым Д, светло-палевым И, золотистым У и латунным Ю; зеленую группу с гуашевым П, пыльно-ольховым Т ... и, наконец, синюю, переходящую в фиолетовое, группу с жестяным Ц, влажно-голубым С, черничным К и блестяще-сиреневым З. Такова моя азбучная радуга" (Набоков - 1989. - С. 28).

О склонности ряда аристократических семейств ко всему английскому: "это слово ... произносилось у нас с классическим ударением (на первом слоге), а бабушка М.Ф. Набокова говорила уже совсем по старинке: аглицки" (с. 49).

О придуманном автором слове *крестословица*, вошедшем в речевой обиход (с. 136).

158. Набоков В.В. Лолита: Постскрипtum к русскому изданию. - Нью-Йорк, 1958.

О русском и английском языке "Лолиты". "История этого перевода - история разочарования" (с. 296). "Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, все нежно-человеческое (как ни странно!), а также все мужицкое, грубое, сочно-пахабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов, а также все относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям - становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в

смысле стиля и ритма. Эта невязка отражает основную разницу в историческом плане между зеленым русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским; между гениальным, но еще недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей и маститым гением, соединяющим в себе запасы пестрого знания с полной свободой духа. Свобода духа! Все дыхание человечества в этом сочетании слов" (с. 296-297).

В "Послесловии" к американскому изданию "Лолиты", названному "О книге, озаглавленной "Лолита"", В.В.Набоков писал: "Личная моя трагедия - которая не может и не должна кого-либо касаться - это то, что мне пришлось отказать от природной речи, от моего ничем не стесненного, богатого, бесконечно послушного мне русского языка ради второстепенного сорта английского языка, лишенного в моем случае всей той аппаратуры - каверзного зеркала, черно-бархатного задника, подразумеваемых ассоциаций и традиций - которым туземный фокусник с развевающимися фалдами может так волшебным образом воспользоваться, чтобы преодолеть по-своему наследие отцов".

159. Нароков Н. Русский язык "там" // Новый журнал. - Нью-Йорк, 1963. - Т. 71.

Обилие книг в Советском Союзе, посвященных культуре речи - "реакция на ее загрязнение" (с. 229). Обогащение языка, по мнению автора, сопровождалось и его обеднением: исчезли многие понятия духовной жизни (*милосердие, возвышенный, коленопреклонение, святой* и др.). О невежественном употреблении иностранных слов (*читал с апогеем, фигурировать цифрами, биография жизни* и др.). О сложносокращенных словах и вульгаризмах (*вшендяпился, лабуда, шмотки, засветить фонарь*). О влиянии канцелярско-чиновничьего языка на газетно-публицистический стиль и бытовую речь. Искажения в языке деятелей Коммунистической партии, впоследствии распространившиеся: *единств'о* (И.В.Сталин), *использ'овывают* (В.М.Молотов).

160. Ольденбург С.С. Выступление на 3-й беседе в редакции газеты "Россия и славянство" // Россия и славянство: Орган национально-свободительной борьбы и славянской взаимности. Еженедельная газета при участии П.Струве. - Париж, 1931. - № 113, 24 января.

По мнению автора, эмиграция часто перенимает слова у большевиков, например, *интервенция*, "которой вслед за большевиками мы придали узкий, упрощенный смысл. Упрощенное понимание интервенции похоронено событиями". Автор считает, что форма борьбы, обозначенная этим словом, исчезла.

161. Осоргин М.А. *Времена: Автобиографическое повествование*. - М.: Современник, 1989.

О ломаном, полународном, полукнижном языке новой советской интеллигенции, "которым до сих пор говорит Россия в быту и покалеченной литературе" (с. 144). Оценка слова *товарищ* (с. 128) и нового названия России, представляющего, по мнению автора, "буквенный вывих языка" (с. 109).

162. Осоргин М.А. *Записки старого книгоеда* // Последние новости. - Париж, 1929. - № 3149, 5 ноября.

О засорении русского языка иностранными словами в русских поселениях Парижа. Примеры "сорного языка", извлеченные из "Российской универсальной грамматики" Н.Г.Курганова (СПб, 1769). О проникновении иностранных слов в российскую литературу.

163. Осоргин М.А. *Литературные размышления* // Последние новости. - Париж, 1937. - № 6076, 13 ноября.

О языке Л.Н. Толстого. Типы описаний в русской прозе (С. Аксаков, Л. Толстой: "состязанье"). О словотворчестве Н.С. Лескова (приводится список слов). По мнению автора, слова эти "не из народного, а из балаганного и лакейского словаря ... Часть их удачна, часть фельетонно выдвлена, а духу языка вообще не свойственна (как *протестантист*, *остановочное место*, *укушетка*). Лучше всех этих дешевых переделок одно толстовское пердразнивание французской песенки: "Виварика! Виф серувару! сидябляка". И даже больше в духе языка. О языке переводов произведений Н.С.Лескова на французский язык.

164. Осоргин М.А. *Письма о незначительном (1940-1942)*. - Нью-Йорк, 1952.

Об объеме значений слов *цивилизация* и *культура* в русском и французском языках. "Французы соединяют в слове "цивилизация" то, что мы обозначаем двумя словами: цивилизация и культура; последнее слово у них не в ходу. Мы под "культурой" разумеем преимущественно прогресс духовных ценностей народа, под "цивилизацией"

- ценности внешние, удобства жизни. Их термин смешивает понятия, наши менее точны ("цивилизация" значит, собственно, гражданственность), но дают необходимые оттенки" (с. 267).

165. Осоргин М.А. *Слова и выражения* // Последние новости. - Париж, 1931. - 28 декабря; *Крылатые слова* // Последние новости. - Париж, 1932. - 7 января, 3 февраля; *Филология русской души* // Последние новости. - Париж, 1933. - 29 августа; *Великий и могучий* // Последние новости. - Париж, 1936. - 20 апреля.

То же // *Русская речь*. - М., 1988. - № 5,6; 1990. - № 1. - Публикации О.Г. Ласунского.

166. Петрищев А. *Преодоление трех соблазнов* // Новый Град. / Под ред. И. Бунакова, Ф.А. Степуна и Г.П. Федорова. - Париж, 1932. - № 2.

О словах *правдобес*, *чистобес*, *святобес*.

167. Пильский П.М. *Извратители духа* // Из книги: Пильский П.М. *Затуманившийся мир*. - Рига, 1929.

То же // *Литературная газета*. - М., 1992. - № 17 (5394), 22 апреля.

О русском языке, изуродованном и искаженном в Советской России.

168. *Писатели о современной литературе и о себе* // Своими путями: Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал. - Прага, 1925.- № 8-9.

Критика языка советской прозы. По мнению И.С.Шмелева, "сдавленные колодками литераторы отводят душу в иной свободе, незапретной, в терпком изображении дурной плоти" (с. 10), откуда и "словесная дерзость писателей, отсутствие чувства меры до похабства, буерачность речи ... Погоня за народным говором, нарочитый провинциализм языка, нечужание его духа, как будто пишут нерусские" (там же).

169. Полторацкий Н. *Сборник "Из глубины"* и его значение // *Из глубины: Сборник статей о русской революции*. - Paris, 1967.

О терминах *веховство*, *веховец*. "Веховство - такое идейное течение, характерными особенностями которого являются отрицание атеизма, материализма, социализма, интернационализма, революционизма и политической диктатуры (вплоть до тоталитаризма), предельным выражением коих является большевизм, коммунизм, - и утвер-

ждение начал религии, идеализма, либерализма, патриотизма, традиционализма и народоправства" (с. XXII).

170. Прегель С.Ю. Из воспоминаний о Бунине // Литературное наследство: И.А. Бунин. Книга вторая. - М., Наука, 1973. - Т. 64.

Об отношении И.А. Бунина к слову. О знаках препинания И.А. Бунина "можно написать поэму. Каждая запятая оправдана, и не только синтаксически..." (с. 353).

171. Размышления педанта // Встречи: Ежемесячный журнал / Под ред. Г.В.Адамовича и М.Л.Кантора. - Paris, 1934. - № 1.

О филологии как "просвещенном буквоедстве", без которого непонятны многие тексты. О неправильном цитировании из самых известных произведений русской литературы ("Горе от ума", "Евгений Онегин").

172. Размышления педанта // Встречи. - 1934. - № 2.

О нарушениях норм. Например. "Дела слушались при закрытых дверях" - неудачный, по мнению автора, перевод с франц. *buis clos*: "ведь двери никаким способом закрыть нельзя, разве сняв их с петель и отнеся в какое-либо закрытое помещение: но в таком случае получился бы результат, противоположный тому, которого добивались составители судебных уставов. Строго придерживаясь словесного толкования закона, следует признать, что всякий раз, когда суд в России постановлял закрывать, а не затворять или запирали двери ... в силу этого не пускать публику в зал заседания, он погрешал против буквы закона: разительный пример того, как опасно законодательствовать, не советуясь с филологами" (с. 76).

Значение и употребление местоимений *он, она, они, каждый, кто-нибудь, всякий*; возможности их взаимозаменяемости в тексте. О словах *план, плановость*, входящих в моду и используемых в разных сочетаниях без ограничений.

173. Размышления педанта // Встречи. - 1934. - № 3.

О переносном значении глагола *влиять*, эквивалентном французскому *influence* и глаголу *influer*, откуда и заимствованная конструкция *influer sur*. По мнению автора, "влиять на" не исконно русское выражение, в роде затворять - закрывать и даже не перевод, а то, что ученые люди называют *calque* "калькой". Это сочетание постигла судьба всех сходных образований, лишенных крепких корней в русском языке. Откроем тайну: "закрывать дверь или

крышку рояля" у Тургенева и Лермонтова ("их двери для меня навеки закрыты"; слова у Грибоедова: "И ваша такая последняя черта, что, чай, по всякому дверь будет заперта") тоже скалькированы с французского.

О распространении ошибочной цитаты из "Горя от ума": "Дистанция (а не дистанция) огромного размера". "И тогда реплика Скалозуба перестает быть глупой, так как в Москве очень большие расстояния" (с. 135).

О первоначальном значении слов *досада* (оскорбление, обида) и *досадный* (оскорбительный, причиняющий неудовольствие, досаду). Грибоедов использует это слово в "академическом значении": "И похвалы мне ваши досаждают"; "Как будто это надо, Чтоб именно со мной тут встретились, досада"; "Иначе расскажу всю правду батюшке, с досады". В реплике Фамусова: "Терпенья, мочи нет, досадно!" этот смысл четко проявляется: "Фамусову не скучно слушать речи Чацкого, а обидно, оскорбительно, он оскорблен" (с. 136).

174. Ремизов А.М. "Воистину": Памяти В.В. Розанова. К 70-й годовщине со дня рождения // Версты / Под ред. Д.П. Святополк-Мирского, П.П. Сувчинского и С.Я. Эфрона. - Париж, 1926. - № 1.

О розановском стиле - "одного корня" с природным русским языком протопопа Аввакума. "Ведь его [Аввакума] "вяканье" - "русский природный язык и ваш "розановский" стиль одного корня". "Во дни протопопа этот простой "русский природный язык" (со своими оборотами, со своим синтаксисом "сказа") в противоположность высокой книжно-письменной речи "книжников и фарисеев" в насмешку, конечно, и презрительно называли "вяканьем", как ваше "розановское" зовется и поныне в академических кругах "юродством" (с. 83).

О синтаксисе письменном, грамматическом (А.П. Чехов, А.М. Горький) и "изустном, мимическом" (Н.С.Лесков, В.В.Розанов).

175. Ремизов А.М. Из дневников и писем // Н. Кодрянская. А.М. Ремизов. - Париж, 1959.

О "мертвых словах", "бессмысленных языковых штампах": *ничего подобного, очень просто, значит* (с. 130), "пошлых выражениях": *так сказать* и др. (с. 328).

Этимология слова *чужой* (с. 297), *Ева*, "которое переводят "жизнь", на самом деле Хава - "змея". Искушение змея яблоками не было загадкой нашей Библии: свой свое-

го угостил" (с. 218). Новообразования А.М.Ремизова: *чарома, цаплун*.

О слове *пошляк*, которое писатель употребляет "небранно, а в старинном значении слова. Это слово "пошлый" (привычный) - проторенный путь. Так "я" делю критикующих читателей на "пошляков" и необыкновенных - "пытливых" (с. 100).

176. Ремизов А.М. Крашенные рыла: Театр и книги. - Берлин, 1922.

О стилизации некоторых художественных произведений уменьшительными словами - под русский слог: *старинушка, пути-дороженьки, силушка, касатик* и др., которые Ремизов называет "уменьшительным сюком" (с. 96). О слове *извиняюсь*. По мнению писателя, искажение пошло от образованных людей, которые "обряжались в черные косоворотки и высокие сапоги, чтобы представляться рабочими, при этом обязательно коверкали: извините в извиняюсь" (с. 20).

177. Ремизов А.М. Неизданный "Мерлог" // Минувшее: исторический альманах. - Paris: Atheneum; М., Прогресс. - 1987. - Т. 3.

Об ошибках на письме в связи с нарушением порядка слов. Призыв писателя не рифмовать в прозе ("крутились - доносились" или "скрывать - спать"), читать написанное вслух. Музыка "делает прозу "разложившимся элементом"" (с. 213). О произношении буквы *ё*. Различие в словах *уточнённый* (по существу тонкий) и *уточненный* (лишь сделавшийся тоньше). Об употреблении предлогов *о* и *об* в зависимости от "глазо-слуха". Автор дает негативную характеристику тому, что принято называть ритмической прозой: всевозможные описательные украшения по преимуществу природы и притом ничего не изображающие или захватанные до беззвучия и бесчувствия; однословные фразы - без надобности, а главное, без внутреннего напряжения, что можно сравнить с искусственным органом вне пульса; повторение слова "для углубления", смысла не углубляющее, а только удлиняет строчку; библейское *и*, уместно звучащее у пророков; бесприличные многоточия, как мушиная пале; ассонансы (глагольные); расслабляющая слабая чувствительность: ставь определение за определяемым, и готово дело" (с. 228).

178. Ремпель Екат. Язык революции и революция языка // Новый путь. - Рига, 1921. - № 171, 28 августа.

О вторжении галлицизмов в русский литературный язык в начале XIX в. Новые слова в современный период (*спец, чекист, Наркомпрос, ревком, автоконьяк, казенка, чеквалапнуть, буржуйка, моргалка*), их уместность. По мнению автора, "язык революционного времени ... одна из серьезнейших заслуг революции, ее творческая закваска, ее моральное оправдание". Слова *френч, ударный, халура, шкурник* блестящи по силе и форме. О революционной брани как политической квалификации (*шкурник, совбур, мешочник, самоснабженец* и др.). Язык как отражение светлой, творческой стороны революции.

179. Ренников А. Будущий язык // Возрождение. - Париж, 1927. - № 709, 12 мая.

О распространении сложносокращенных слов в речевом обиходе Советской России. По сведениям автора, дети в школах называют учителей сокращенно: Валерьяна (Валерия Ивановна), Паралич (Парамон Лукич), Винич (Виктор Петрович). Это язык-акростих, язык-ребус. Очевидно "размножение" таких сокращений в будущем: Чих (Чингиз-хан), Шиш (Ширинский - Шихматов). Новые поэты начнут писать: *дормя (дорогая моя), оморсть (О моя радость), поция (поцелуй меня)*.

180. Ренников А. Парижская русская грамматика // Возрождение. - Париж, 1927. - № 720, 23 мая.

Примеры искажений русской речи за рубежом, порожденных огромным потоком галлицизмов. Разнобой в склонении и роде неизменяемых существительных и заимствованных из французского языка собственных и нарицательных имен (*ажан, вандер, шассер, шоффаж, Булонь, Шампань, Клиши, Пасси, Трокадеро*; составных наименований: *Шан де Марс, сюр Мер* и др.). По мнению автора, многое еще только кристаллизуется, находится в периоде "грамматико-творчества".

Примеры русских диалогов: - Что делают в метре эти две дамы - молодая княгиня вандез и старая княгиня - ливрез? - Обе солидируют прекрасные вещи мэзон де кутюра своей доброй патронши.

- Уместе ли вы, милостивая государыня, делать птипуаны и фильтире или только монтируете? - Нет, я не знаю ни монтажа, ни птипуанов, ни фильтире, но дочь этого старого генерала знает хорошо плюмти.

181. Ренников А. Словарь современных общеупотребительных слов // Возрождение. - Париж, 1935. - № 3742, 1 сентября.

Автор иронически переосмысливает слова *Коминтерн, Лига, масоны, парламентаризм, радио, эмиграция.*

182. Ржевский А. Живое и мертвое слово // Грани: Журнал литературы, искусства, науки и общественной мысли. - Мюнхен: Посев, 1949. - № 5.

Диалог автора и старого профессора-эмигранта о языке. Оправдание неологизмов, внесенных в язык народным словотворчеством (*авоська, болевщик, вошебойка, вытрезвитель*); насаждение слов "сверху" признается менее удачным (*абортарий, беседчик, весновспашка*). О вези-неспособности ряда аббревиатур (*ГИХЛ, ЦЕКУБУ, ВСНХ, Главбум, Наркомпочтам, индпошив, ячкаша, пролетли-тература* и др.). Об отношении к иноязычным словам, которые ограничены узкими сферами общения. Влияние немецкого языка на развитие новообразований с *igen* (*календаризировать, складировать* и др.), употребление слов и сочетаний *ипман, пара, в общем и целом* (нем. *im grossen und ganzen*). Наплыв вульгаризмов в 20-е гг. Критика языка советской поэзии. О потере свободы в языке и слепом следовании шаблону (*мобилизовать силы, высокий показатель, мудрое руководство; организовать* (вм. основать, учредить, установить, устроить); *бумаги оформляют, вопрос или книгу прорабатывают, приветствие зачитывают* (вм. читают, оглашают). Об употреблении условных, размытых понятий (*классовая мораль, пролетарский долг, революционная законность*). "Ударничество, стахановщина, вредительство, враг народа, блок беспартийных с коммунистами - легион условных обозначений", "безжизненные трафареты, свидетельствующие о потере языком свободы" (с. 67).

О новообразованиях на -ка (*дежурка, раздевалка, столовка, читалка*), содержащих налет вульгаризма, но нейтральных в языке советской молодежи.

183. Розанова М.В. На разных языках // Одна или две русских литературы? Международный симпозиум, созданный факультетом словесности Женевского университета и Швейцарской академией славистики. - Женева, 13-15 апреля 1978 г.

В эмиграции, отмечает автор, сталкиваешься с явлением, которое касается не только поэтического, но и разго-

ворного русского языка: "Какие слова употреблять можно, а какие нельзя" (с. 203). Например, *раскладушка* (занесенного на Запад советскими диссидентами) вм. раскладная кровать, портшез. "Законны и понятны эти охранительные задачи старой эмиграции, этот принципиальный консерватизм в языке, противостоящей одновременно и русской революции, и западному окружению, в которое попали носители русской культуры, ее цвет и надежда. Пока там, в России, истребляли и глумились, здесь надо было - сохранить" (с. 204). Об акмеизме как законодательстве вкусов и хранителе традиций в поэтическом языке. Вторжение на Запад советского жаргона под видом "нового слова" (В. Войнович, В. Ерофеев, А. Галич и др.).

184. Рысс П. "Трудный язык" // Борьба за Россию: Еженедельное издание под ред. В.Л. Бурисева и др. - Париж, 1927. - № 11, 5 февраля.

Критика нового ("советского") языка, употребляющего "мудреные" фразы: "примордиальный фактор капиталистической экономики", "индустриальная база госразвития". Художественная литература, по мнению автора, "фокусничает, кривляется, изображает словечки" (с. 4).

185. Сазонова Ю. "Денационализация" // Последние новости. - Париж, 1933. - № 4616, 11 ноября.

Автор полагает, что координированное двуязычие - знак языковой культуры: наиболее чистым сохраняется русский язык у тех, кто лучше всего усваивает язык иностранной. "Аксиданы, ажаны, сюплеманы - все эти корявые слова наводнили русскую речь именно по милости тех, кто видел в ней некий непередаваемый смысл, ибо не знал французского языка" (с. 4). Общий для всех живущих в разных странах русский язык может исчезнуть, если насыщение иностранными словами будет продолжаться. Об искажениях русской речи в России - казенных словах-"погремушках" (*до последнего удара великодушного сердца, ведущая фигура, зазвучит полнокровный образ большевика, внести свою долю в авторитет* и др.). Язык беженства, по мнению Ю.Сазоновой, не имеет внутреннего развития, ибо "остов былых воспоминаний сохраняет свою гипнотическую силу"; он не замечается и не изучается, т.к. реальная беженская жизнь не получает должного словесного выражения. Литературный язык, основанный на воспоминаниях, может в конце концов омертветь, ибо он, "как жемчуг, должен прикоснуться к живому". О про-

тивостоянии старшего и младшего поколений, разделенных не только во времени, но и языком и культурой.

186. Сегал Д.М. "Сумерки свободы": о некоторых темах русской ежедневной печати 1917-1918 гг. // Минувшее: Исторический альманах. - Paris: Atheneum; М., Прогресс. - 1987. - Т. 3.

По мнению автора, революция с первых же дней начала заниматься проблемами слова, названия. О переименовании улиц, площадей, мостов и проч., названия, "знаменующие текущие революционные события". Выступления деятелей русской культуры об опасности инфляции революционного слова, его извращении. Гипостазирование, преувеличение слов, которые теряют свой подлинный смысл. Отражение политических событий в поэзии О. Мандельштама (сумерки свободы, гиперборейская чума; мотивы зимы, холода, власти, гнета времени - в разнообразных смысловых контекстах).

187. Синайский В.И. К проблеме терминологического языка, его образов и понятий (концепций) о древнем знании, мудрости и премудрости (Исследование на основании Псалтыри и Апостольских посланий, преимущественно Апостола Павла). // Записки Русской академической группы в США. - Нью-Йорк, 1985. - Т. XVIII.

По мысли автора, в языке обследованных им памятников "имеется много материала, который помогает уяснить ветхозаветную и новозаветную концепции монотеизма в их внутренней связи" (с. 261). Основные разделы исследования: 1) Знание, премудрость, мудрость; 2) речь, язык, слово, голос; 3) правда и истина; 4) земля - пределы ее (основания) и небеса (преклонение их); 5) имена; 6) распределение имен по частям тела; 7) система числа стихов в Псалмах; 8) календарное деление текста; 9) Мудрость и Премудрость в учении Апостола Павла. - Буквы, язык, слово; 10) знание и вера; 11) Псалтырь. Послание, тотальная концепция и метод древней культуры.

188. Слоним М. Заметки об эмигрантской литературе // Воля России: Журнал политики и культуры. - Прага, 1931. Т. VII.

Развитие литературы невозможно вне стихии языка, который слит с жизнью нации. "То, что мы называем денационализацией эмиграции, есть прежде всего оскуднение и истощение языка" (с. 620). Создание штампов (рассказ-

воспоминание "с березками"). Многие писатели, по мнению М. Слонима, стали русскими европейцами. Иностранное ощущается даже в построении фразы, например, у Г. Газданова, В. Сирина, Ю. Фельзена, С. Шаршуна и др.

189. Слоним М. Литературный дневник // Воля России. - 1930. - Т. IV.

О языковых ошибках в произведениях молодых эмигрантских поэтов (*сойти в могилу, как на эшафот; и она все об одном несчетно раз щебечет; и если облачному каравану прочесть стихи душевных мук, они прервут полет и в небе станут, в почтенье к горю моему; пусть между ними столько расстоянья*) (с. 362).

190. Слоним М. Молодые писатели за рубежом // Воля России. - 1929. - Т. X-XI.

О традиции и литературных влияниях в молодой эмигрантской литературе. О языке и стиле эмигрантской поэзии второго поколения (А.Ладинский, Б. Поплавский, М. Струве, В. Андреев, Вяч. Лебедев, А.Эйснер). Стилистические искания в прозе (Г. Кузнецова, Н. Рошин, В. Сирин, Н. Берберова, Г. Газданов, Б. Сосинский, С. Шаршун, Ю. Фельзен и др.).

191. Слоним М. Рец. на: Книга стихов Б. Поплавского (Б. Поплавский. - Флаги. - Париж, 1931) // Воля России. - 1931. - Т. I-II.

О языке поэзии Б. Поплавского, неясной и порой непонятной, наполненной необычными сочетаниями слов (*фиалетовые голоса луны, небесные оркестры* и др.). "Вся эта игра воображения, все эти то смутные, то неожиданно яркие сны живут и движутся стихией музыки, плывут по воле тех ритмических комбинаций, которыми владеет Поплавский ... Это голос, богатый интонациями, нежными и вкрадчивыми" (с. 192).

192. Смоленский Вл. О кризисе и Поэзии // Меч: Еженедельник / Под ред. Д.В. Философова (Варшава) и Д.Н. Мережковского (Париж) - 1934. - 1934. - № 1-2.

О человеческом языке - темной, косной, безличной материи. "Люди отняли слово у человека и, отняв, запомнив, обезличили, стерли все острые углы, сделали круглым и удобным для домашнего обихода" (с. 9). По мнению автора, слова уже не проникают в человеческое сознание, "но если крик не понятен, а слово мертво, то как же человек может прорваться к людям?" (с. 9). На помощь человеку приходит поэзия - голос чуда и человеческой воли.

193. Соловьев А.В. О фамилиях у Достоевского и о фамилии Достоевского // Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Еженедельная газета при участии П. Струве. - Париж, 1932. - № 121, 13 февраля.

О способах создания писателями фамилий персонажей (говорящие фамилии и фамилии, напоминающие по звукам уже существующие). К "говорящим" фамилиям у Достоевского автор причисляет: Шатов, Разумихин, Лебезятников, Смердяков, Опискин, Раскольников. фамилии, соответствующие социальному кругу их носителей (Мармеладов, Ежовкин, Девушкин - разночинцы; Рогожин - купец; Валковский, Сокольский, Версилов, Ихменев - дворяне). Удачны четырехсложные дворянские фамилии с нерусскими корнями, типичными для столбового московского дворянства (Карамазов, Свидригайлов, Кармазинов). Любопытны аналогии: Свидригайло, литовский князь, боролся против поляков. "Дикие звуки этого имени отлично подошли к мрачному образу похотливого героя". Автор отмечает сходство фамилий Карамазов - Каракозов (кара - черный выражает темную силу русского нигилизма). Кармазинов, несомненно, от прилагательного *кармазиновый, пурпурный* (имеющем в польском особый смысл: шляхта кармазинова - потомки воевод, заседавших в пурпуре в Сенате). Достоевскому, западно-русскому шляхтичу, принадлежащему к гербу Радван, это выражение было знакомо. "Тургеневу он сочинил фамилию, отлично отмечавшую и кармазинское западничество, и аристократические замашки усадного дворянина Тургенева".

194. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии. Пер. с англ. // О России и русской философской культуре. - М., Наука, 1990.

О понятии *нация* (с. 466-469).

195. Сталинский Е. Большевицкий термидор // Воля России: Журнал политики и культуры. - Прага, 1922. - № 4.

О понятии *термидор сверху*.

196. Степун Ф.А. Вяч. Иванов // Современные записки. - Париж, 1936. - Т. 62.

О книжности и народности "стилистически барочной мысли и речи" Вяч. Иванова, "внутренней светописии духовного озарения" (с. 235), сочетании в его поэзии тяжести и открытости.

197. Степун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. - Париж, 1923. - Т.17.

О содержании понятия *эмигрантщина*: "Отрицание будущего во имя прошлого; вера в мертвый принцип и растерянность перед жизнью, старческое брюзжание над чашкою с собственной желчью" (с. 374).

198. Степун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. - Париж, 1924. - Т.19.

Рассуждение о слове *товарищ*, которое было "в донеповской России не только словом, оно было стилем советской жизни" (с. 322). "Целый день не сходящее с уст и наполнявшее уши слово проникало естественно в душу и что-то с этой душою как-никак делало. Слова - страшная вещь: их можно употреблять всуе, но впустую их употреблять нельзя. Они - живые энергии и потому неизбежно влияют на душу произносящих их людей" (там же).

199. Степун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. - Париж, 1925. - Т. 23.

О понятиях *память и воспоминание*. "Сущность памяти - в спасении образов жизни от власти времени. Но береженное памятью прошлое проходит по времени, береженное - обретает вечную жизнь ... Воспоминания живут раздорами между прошлым и будущим, память же тождеством прошлого и будущего" (с.369).

200. Степун Ф.А. Родина, отечество, чужбина // Новый журнал. - Нью-Йорк, 1955. - Т. 43.

О смысле слов *родина* и *отечество*. Родина - мать-земля, культура, историческая память; Отечество - государственное начало, повинующееся законодательной власти. Отечество - меч и защита родины. "Мы можем определить родину, прообразом и формой которой является церковь, как общину, а отечество - как общество" (с. 208). Различие понятий *эмигрант* и *беженец*. "Эмигрант - это активный борец за свою родину-мать против предавшего ее отца" (с.210). Беженец представляется автору полной противоположностью эмигранту: он не способен на органическое соединение с жизнью на чужбине.

201. Струве Г.П. Заметки о стихах // Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Еженедельная газета при участии П. Струве. - Париж, 1931. - № 122, 28 марта.

О цветообозначениях в поэзии А. Ладинского. Доминирующим выступает эпитет *голубой* (небо, земля, плащ,

сугробы, айсберги, бабочки, леденцы глаз, бессмертие). "Эпитет этот при всей своей конкретности теряет у Ладинского свой чисто языковой атрибут, становится символическим, неотъемлемой частью льдистого пейзажа его поэзии". Наряду с ним - *черный* (воздух, вечер, сад смерти, полдень, розы и бабочки). В тех же сочетаниях используется эпитет *розовый*. О контрастных словосочетаниях (*раскаленная стужа, ледяные Сахары, страшная нежность, хрустальный сквозняк*), создающих новый, глубокий смысл.

202 Струве Г.П. Заметки о языке Достоевского // Записки Русской академической группы в США. - Нью-Йорк, 1981. - Т. XIV.

О слове *слишком*, словесных и фразовых повторах. В приложении - большой иллюстративный материал (с. 290-312).

203. Струве Н. Роман-загадка. Послесловие к книге: М. Агеев. Роман с кокаином. - М., Художественная литература, 1991.

О языке романа (семантические поля, тропы). Доказывается "поразительное сходство между Набоковым и псевдо-Агеевым" (с.215). Об употреблении глагола *морщиться* в переносном значении, метафорических "фруктовых оттенках" (*персиковая ляжка, мандариновый огонек папиросы*), использовании фонетической деформации для передачи разнообразных звучаний (шума, спотыкания, движения ног и др.). "Зеркальность" - краеугольный камень всей поэтики Набокова" (с. 216) - развивается в "Романе с кокаином" как целая философия отражения. Из стилистических особенностей обращают на себя внимание двукратные повторы, ключевые эпитеты и глаголы. Приводится ряд текстовых совпадений, в том числе и скрытых цитат.

204. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. - Нью-Йорк, 1956.

О слове *ди-ни* (*дипист, дипийский*), возникшем в лагерях для "перемещенных лиц" (с. 389). О слове *эмиграция*, которое автор предлагает заменить терминами "русское Зарубежье" или "Зарубежная Россия", "более отвечающим смыслу вещей" (с.7). В советском же речевом обиходе слово *зарубежный* означает 'иностранный', 'заграничный'.

205. Талин В.И. (Ст. Иванович). "Шкраб" // Современные записки. - Париж, 1925. - Т. 23.

Оценка новообразования *шкраб* (школьный работник): "Всякий почувствует в этой комбинации звуков нечто обидно-унизительное, какое-то презрительное ругательство по адресу существа, в высшей степени жалкого, приниженного и забитого" (с. 395). "Мертвое искусственное звуко сочетание, сочиненное в целях экономии, как знак, превращается в живую, эмоционально-богатую окрашенную оценку, и притом скептически-отрицательную" (с. 395).

206. Тан Л. Запечатленный язык // Новый журнал. - Нью-Йорк, 1950. - Т. 23.

Слово *запечатленный* автор употребляет в том же значении, что и Н.С. Лесков ("Запечатленный ангел"): 'тот, на который наложили печать'. По мнению Л. Тана, это слово "определяет бытие и характер языка советской эпохи" (с. 274). Негативно оцениваются неологизмы, введенные "сверху" (*абортарий, беседчик, весновспашка, заборная книжка, значкист, избач, массовик, оперативность*), новообразования с иноязычными суффиксами (*листаж, советизировать, большевизировать*). О снижении норм литературной речи, наводнении ее вульгаризмами и аргю. Пренебрежение литературной традицией в творчестве советских писателей. Языковые ошибки: *позевнул, ярка* (от яр), *копешка, закровяневшие глаза, тьма крепчает* (М. Бубеннов, "Белая береза"), *угодническая улыбка, нагружена с верхом* (А. Фадеев, "Молодая гвардия"). Считая закономерным процесс распространения просторечий, автор называет трагедией языка советской эпохи широкое использование шаблонов, идущее "от ущемленного страхом сознания в большей мере, чем от бедности речевой культуры или отсутствия языкового чутья": *пережитки старого, клеймить презрением, торжественно заверять, оформление* (процедура устройства на работу, а не убрание), *увязка* (вм. связь), *согласованность* (сговор, слаженность). Живя в зарубежье, следует беречь "чуждую культуру родного языка ... и верить, что "запечатленность его на родине - не вечна" (с. 285).

207. Тарановский К.Ф. Звукопись в "Северовостоке" М. Волошина // Orbis scriptus D. Tschizevskij zum 70. Geburtstag. - Munchen, 1966.

Тема пути и ветра, раскрытая в звуковом строе стиха: повторение резких согласных в/ф, з/с и дрожащих плавных р/р'. Ключ к звукописи содержится в заглавии (срвс). "Случайно ли или не случайно звукопись ключевой строки

... содержит в себе криптограмму свист, трудно решить. Но совершенно очевидно, что изысканный эпитет *выстуженный* не случайно найден: звуковым повтором с существительным он образует с ним довольно прозрачную паронимазю (стужа - северный ветер)" (с. 836). Низкая тональность использована для последнего, примирительного аккорда ("Нам ли весить замысел господний..."). Автор считает, что "анализ звукописи поэтического текста по дифференциальным элементам является более продуктивным, чем анализ по отдельным фонемам" (с. 840).

208. Тарановский К.Ф. О взаимоотношениях стихотворного ритма и тематики // *American contribution to the fifth International Congress of Slavists*. - Sofia, 1963.

Об эмоциональной (эффективной) окраске стихотворного ритма, имеющей самоудовлетворяющее значение (ямб - торжественный, хорей - игривый, - акцентный стих В.Маяковского - железный и проч.). Противоположная точка зрения: любой стихотворный ритм применим к любому содержанию и зависит от словесного наполнения. О пятистопном хорее. Анализ текстов (Ф.Тютчев, И. Бунин).

209. Тарановский К.Ф. О ритмической структуре русских двусложных размеров // *Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика В.В.Виноградова*. - Л.: Наука, 1971.

210. Тарановский К.Ф. Основные задачи статистического изучения славянского стиха // *Poetics. Poetyka. Поэтика*. - Paris; Warszawa, 1966. - Т. II.

По мнению автора, составление и анализ инвентаря акцентологических единиц является первым этапом и в изучении структуры стихотворных и прозаических текстов. Самый состав акцентных единиц в разных формах стиха в славянском стиховедении не изучен. В ритмическом следует выделить в особые категории все безударные слова (постпозитивные частицы, союзы и проч.). На примере двух типов хорватского восьмисложного стиха (4+4) и (5+3) автор показывает, как происходит отбор акцентных единиц при создании определенной ритмической структуры.

Стиховая структура как сложная цепь сопрягаемых по вертикали и горизонтали акцентных единиц. Русский четырехстопный ямб: переход ритмической структуры русского четырехстопного ямба XVI в. в новую структуру с

сильными иктами в середине и конце строки. Приводятся диаграммы ударности для XVIII и XIX в. ("теоретический ямб"). Ритмическое движение двудольных размеров, формирующееся под воздействием акцентной диссимиляции и стабилизации первого сильного икта. "Ритм стиха всегда активен" (с. 185). Анализ текстов. Стилистический анализ болгарского четырехстопного ямба, словацкого и украинского стиха. О вариации хореев. Сохранение архаичной силлабической структуры в фольклоре.

211. Толстая-Сегал Е.М. Платонов и Пильняк. - *Slavica Hierosolymitana*. - Jerusalem, 1978. - Vol. III.

О языке и основных стилистических тенденциях в советской литературе 20-30-х годов. Отказ от "непрерывной смены стилистических масок, укрывших литературное авторское лицо". Поэтика обэриутов. "Упор на реальное и конкретное ... ведущий к очищению слова от культурных и литературных ассоциаций, вызывает расшатывание и иррадиацию традиционных лингвистических значений. Воскрешается самый общий смысл слова, но в нем присутствует некий мерцающий семантический подслон, видная с одной только точки текста возможность иного прочтения. Оперирование на таком уровне связано с первостепенной ролью синтаксиса в широком смысле" (с. 109). По мнению автора, у зрелого А. Платонова язык все более становится "фактором конструкции" - на уровень слова и словосочетания выводятся основные мировоззренческие понятия и скрытые смысловые слои. "Плоть языка обедняется, и усложняется его организация. Язык становится насквозь "прозрачным" и одухотворенным. Слово приобретает свойства "переменной", идеологемы с подвижным смыслом, изменения которого суть явления сверх-сюжетного уровня - семантического и идеологического сюжета" (там же).

212. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // *Евразийский временник / Под ред. П. Савицкого, П.П. Сувчинского и Н.С. Трубецкого*. - Берлин, 1923. - Кн. III.

О "смешении языков" в Священном писании. Трубецкой видит в этом акте указание на то, что единообразная, однородная, национально не-дифференцированная культура высушивает духовно одичавшего человека.

О понятии *общечеловеческая* и *национальная культура*. По мнению Н.С. Трубецкого, только в пределах нацио-

нальной культуры "могут возникнуть морально-положительные, духовно-возвышающие человека ценности" (с. 111). Европейская же цивилизация стремится ввести единообразные формы быта и социально-общественного устройства. Стремление к интернациональной, общечеловеческой цивилизации "богопротивно и греховно" (с.114).

О языке и наречиях. Язык как цепь говоров. Понятия семейства языков, ветви, подветви. Генетическая и географическая группировки языков. Понятие языкового союза (о языках, обнаруживающих общее свойство не генетически, а в результате продолжительного географического соседства, например, балканские языки - болгарский, румынский, албанский, новогреческий). Общая система языков как "умопостигаемое единое целое" (с.117).

213. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. - София, 1920.

О словах "человечество" и "общечеловеческая цивилизация", которые, по мнению автора, "являются выражениями крайне не точными и за ними скрываются очень определенные этнографические понятия. Европейская культура не есть культура человечества. Это есть продукт истории определенной этнической группы" (с. 5).

214. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания: Собрание статей. - София: Евразийское книгоиздательство, 1927.

О церковнославянской литературно-языковой традиции. Тенденция ввести свойственное светско-литературному языку аканье в языке священнослужителей и певчих, произношение *г* взрывного (по-северновеликорусски) вместо *г* фрикативного (придыхательного), использовавшегося по традиции со времени принятия христианства и бывшего характерной приметой семинарского произношения. "Церковнославянская литературно-языковая традиция только потому и могла принести под в виде литературного языка, что была церковной, православной" (с.65). По мнению Н.С. Трубецкого, "эта способность претерпевать изменения показывает, что церковнославянский язык еще продолжает жить".

215. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. - М., Прогресс, 1987.

216. Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфонологии. Пер. с нем. Н.Н. Семенюк // Праж-

ский лингвистический кружок: Сборник статей. - М., Прогресс, 1967.

217. Трубецкой Н.С. Общечеловеческий элемент в русской культуре // К проблеме русского самопознания. - София: Евразийское книгоиздательство, 1967.

То же // Вопросы языкознания. - М., 1990. - № 2,3.

218. Трубецкой Н.С. "Хождение за три моря" Афанасия Никитина как литературный памятник // Версты. - 1926. - № 1.

То же // Семиотика. - М., Радуга, 1983.

219. Тэффи Н.А. О русском языке // Возрождение. - Париж. - 1926. - № 565, 19 декабря.

То же // Русская речь. - М., 1988, № 5. - Публикация А.Л. Топорова.

220. Тэффи Н.А. Письмо из-за границы // Возрождение. - Париж. - 1927. - № 901, 20 ноября.

Наблюдения над языком русской эмиграции в Польше. Смешение в речи межъязыковых омонимов и паронимов: *диван* (ковер), *коверт* (икра), *кляча* (породистая лошадь). "Путают "любезный" и "любезный". А по-польски сказать "будьте любезны" - значит "будьте сладострастны". Просьба для салонного *causerie* не подходящая". "Теряют язык, забывают быт, рассасываются, растворяются в близком по крови чужом народе".

221. Унбегаун Б.Г. Русский литературный язык: проблемы и задачи его изучения // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В.В. Виноградова. - Л., Наука, 1971.

222. Унбегаун Б.Г. Русские фамилии / Пер. с англ. - М., Прогресс, 1989.

223. Унбегаун Б.Г. Язык русского права // *Unbegaun B. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology.* - Oxford, 1965.

То же // На темы русские и общие. - Нью-Йорк, 1965.

По мнению автора, церковнославянский язык был исключен с самого начала из области законодательства и судопроизводства, что является "парадоксом в истории русской культуры", потому что некоторые книги византийских законов были переведены на церковнославянский язык еще в IX в. ("Закон судный людем" и Номоканон Иоанна Схоластика). Специфической чертой юридического и административного языка допетровского времени является его русский, а не церковнославянский характер (с. 180). Тем

не менее ряд терминов были церковнославянскими: *целовать, крест, небрежение, свидетель*.

Русский административный язык в XVIII в. трансформировался в результате слияния церковнославянской и русской стихий. Изменение значений слов.: *самосуд* (первонач. самовольное освобождение судьей преступника, пойманного с поличным), *обыск* (опрос местных людей для установления репутации обвиняемого), *записка* (ведение протокола), *рука* (подпись), *подписка* (подделка документа). Выход из употребления древнерусских терминов: *душегубство, голова* (в знач. труп), *довод* (расследование преступления) и др. О слове *закон*, заменившем слова *правда, устав, указ, уложение*. Заимствование слов: *процесс, кодекс, протокол, юрист, гарантия, право, контракт, апелляция, кассация, инстанция*. О слове *право* (в юридическом значении - из польского); *правонарушение, правонарушитель* - этимологически гибридных, польско-церковнославянских образованиях.

224. Унбегаун Б.Г. Язык русской литературы и проблемы его развития // VI Congress Internationale slavistes: Communications de la delegation française et de la delegation suisse. - Paris, 1968.

О непрерывном развитии русского литературного языка с киевского периода до наших дней, подтверждающем его церковнославянское происхождение. Русификация, по мнению Унбегауна, коснулась разных ярусов и протекала неравномерно (меньше всего - синтаксиса, подвергшегося в XVIII в. иноязычным влияниям). Обогащение современного литературного языка новообразованиями за счет церковнославянских формантов (*здравоохранение, соцсореснование, истребитель, хладотехника* и др.). Культурные термины западных языков, синтаксические кальки естественнее укладывались в словарную структуру церковнославянского языка (*влачить жалкое существование, питать надежду* и др.). "Если история литературного языка в России - это история обрусения церковнославянского языка, то приходится говорить уже не о роли церковнославянских элементов в его словарном составе, как это, вопреки собственной концепции, делал Шахматов, а о роли русских элементов, постепенно проникавших в этот церковнославянский язык" (с. 130).

Об источниках обрусения словаря (приказной язык, фольклор и разговорная речь). В XVIII в. литературный

язык развивался на фоне соотношения русского литературного языка, его разговорной основы и сильного влияния французского. Литературный язык взял на себя функции разговорного, и это спасло русскую литературу от конфликтов между письменным и разговорным, от диалектной раздробленности. С XVI столетия за пределами русского государства на русском языке не говорили, что, по мнению Б.Г. Унбегауна, обусловило его монолитность и избавило от национальных вариантов, какие имеют многие европейские языки (с. 133-134).

225. Unbegaun B. Le calque des langues slaves littéraires. - Revue des études slaves. - Paris, 1932 - Vol. II. - № 1-2.

Об отличии калек ("заимствование внутренней формы слова") от заимствований. Немецкий язык как основной источник калек. Однако, по мнению Б.Г. Унбегауна, не следует переоценивать его роль, ибо большое число калек возникло еще в древний период в связи с переводом религиозно-догматической литературы.

Б. Унбегаун считает, что "систематическое применение калькирования в русском языке связано с Н.М. Карамзиным, то есть встречаются только с конца XVIII в. и вызвано прежде всего подражаниями французскому языку, что кальки с немецкого возникли со второй четверти XIX в. в связи с философской терминологией, что семантические и фразеологические кальки вообще представлены слабо и ограничены определенными социальными слоями, что русский язык сдержан по отношению к калькам и предпочитает заимствование" (с.38).

226. Unbegaun B. Russian versification. - Oxford, 1956.

Книга представляет собой обзор основных вопросов русского стихосложения, от Жуковского до наших дней. Основные разделы книги, посвященные стиху силлабическому, силлабо-тоническому и тоническому (акцентному), трактуют три эпохи в истории русской поэзии. Включены главы, посвященные вторичным ритмическим элементам - юнетике и синтаксису. В разделе о тонических размерах рассматриваются: 1) видоизменения силлабо-тонического стиха и 2) чисто тонический стих, куда включены "Трехдарный стих", "Стих с разным числом ударений". В первый раздел включена глава о тоническом стихе, состоящем из комбинации разных метров (Фет, Гумилев, Цветаева,

Есенин, Кирсанов), а также глава "Подражание трехударной строке народной поэзии".

227. Федотов Г.П. Национальное и вселенское // Вестник Российского студенческого христианского движения. - Париж, 1928. - № 6.

О языке как "тончайшей плоти мысли", целостного духа. "Язык есть имя нации как особого духовно-кровного единства, создающего свою культуру, т.е. царство идеальных ценностей".

228. Федотов Г.П. Новый Град. - Нью-Йорк, 1952.

О заимствовании европейскими языками слова *интеллигенция* в отличном от русского языка содержании (с. 10). Об употреблении слова *злой* "в положительном смысле; иной раз злою называется даже русская земля" (с. 169).

229. Федотов Г.П. О стиле в проповеди // Г.П. Федотов. Лицо России: Сборник статей (1918-1931). - Paris, 1967.

Автор определяет культурный стиль эпохи как ее язык. О месте церковнославянской лексики в современной литературной речи. "Чистое крепкое вино литургического слова в воде повседневной речи обращается в елей, "елейность", которая ... "противна во всяком языке" (с. 124). Подлинным искусством найти место славянскому слову обладали большие мастера - Пушкин, Вяч. Иванов. Стиль современной христианской проповеди должен быть избавлен от орнаментальных, декоративных форм.

230. Федотов Г.П. Россия Ключевского // Современные записки. - Париж, 1932. - Т. 50.

О языке В.О. Ключевского, который "был не только образным и ярким писателем ..., но и строгим, чеканным, изысканным мастером В обращении со словом Ключевский может найти себе равных только среди символистов XX столетия, при всем различии их художественных средств" (с. 345). По мнению автора, "Ключевский как художник, - прямое отрицание 60-х годов. Как писатель, он совершенно одинок, до самого XX столетия. Его поколение, порвав с великой карамзинско-пушкинско-гоголевской традицией, размотало все формальные достижения русского слова, разболтало и развинтило синтаксис, засорило словарь" (с. 346). Ключевский впитал в себя наследие классического века, и элементы античной формы вобрал в его языке "всю образность и жизненность русского московского говора" (там же).

231. Федотов Г.П. Славянский или русский язык в богослужении // Путь: Орган русской религиозной мысли / Под ред. Н.А. Бердяева. - Париж, 1938. - № 57.

О славянском языке в богослужении. Молитва как мистерия, в которой слова, отрешенные от повседневности, помогают "всякое житейское отложить попечение. Магия слова окрыляет дух и возносит его в высшие сферы" (с. 4). По мнению автора, славянский язык, в этом смысле, "наполовину свой, наполовину чужой ..., лучше всего опосредствует переход в иной план бытия" (там же).

Об искусственности церковнославянского языка, его отличии от латыни, использовавшейся в повседневном общении. Достоинства церковнославянского языка: будучи языком перевода, он передал многие черты эллино-византийской риторики: обертоны смыслов, пышные эпитеты, параллелизмы, контрасты - "цветы классической музыки". Отпечатоке торжественности в словах, связанных с кругом религиозных понятий и чувств.

Автор считает, что после определенного упадка славянской стихии во второй половине XIX в. "поэзия символизма вновь обрела ключ к тайне славянского слова. Утонченники и александрийцы, воспитанные на эллинизме, Вяч. Иванов и о. Павел Флоренский разрыли занесенные песком ключи славянской поэзии. Они же заставили нас почувствовать прозрачность славянских покровов, наброшенных на греческое слово" (с. 5). "Для русского уха славянский словарь, как золото церковных риз и иконных окладов, великолепный материал, созданный временем и историей" (с. 10).

О музыкальности церковнославянской речи. Соотношение славянских и русских слов и форм (*глагол - слово, ризы - одежда, бѣхъ - был, раб - раби, телеса, очеса* и др.). О смысле слова *раб* в библейских текстах, латыни, европейских языках.

Об изменении значений славянских слов под влиянием русского языка (*взять*, слав. 'поднять'; *окаянный*, слав. 'несчастный'; *непотребный*, слав. 'негодный'). "Деградация смысла" при переходе от церковнославянского к русскому языку (*живот, утроба, удобрение, отрыгнуть, подай*).

О языке духовных переводов.

232. Федотов Г.П. Рец. на: Л. Шестов. На весах Иова. - Париж, 1929 // Числа / Сборники под ред. И.В. Манциарли и Н.Н. Оцуца. - Париж, 1930. - Кн. 2-3.

О стиле философской прозы Л. Шестова - мастера миниатюры и исторического портрета, "странствующего по душам" (с. 259).

233. Фесенко А. и Т. Русский язык при Советах. - Нью-Йорк, 1955.

Книга состоит из девяти глав: 1. Введение. 2. Предвестники советского языка. 3. Некоторые особенности русского языка советского периода. 4. Этно-географические моменты в советском языке. 5. "Блатные" элементы советского языка. 6. Язык советской поэзии. 7. Язык войны и послевоенного периода. 8. Орфографические, грамматические, лексико-семантические и фонетические особенности русского языка советского периода. 9. Заключение. Библиография включает исследования на русском и иностранных языках, перечень источников - периодическую, художественную литературу и словари.

В главе "Предвестники советского языка" исследуются некоторые языковые процессы эпохи Великой французской революции, роднящие их с языком Октября. Корни советского языка, по мнению авторов, уходят в партийный жаргон (*эсер, кадет, октябрист*) и просторечие низших слоев населения, участвовавших в революции (*даешь, контра, офицерье* и др.). Аббревиация, идущая от сокращений, которые были введены Генеральным штабом для телеграфных сообщений, а затем вошли в разговорный обиход. Среди особенностей русского языка советского периода авторы особо выделяют бюрократизацию и политизацию языка, наводнение его аббревиатурами и фразеологическими штампами (*блок коммунистов и беспартийных, генеральная линия партии, классовая бдительность, кулацкая агентура, левацкий загиб, меньшевистское охвостье, мелкобуржуазные замашки* и др.). Эпитет *сталинский* как узаконенный синоним всего положительного (*премия, стройка, соколы, племя, забота, конституция* и др.). Отражение гигантомании в языке: *хлебозавод* (вм. хлебопекарня), *дворец пионеров* (вм. дом пионеров), *магистраль* (вм. дорога); гиперболы обороты (*огромные достижения, невиданные перспективы, неслыханный расцвет, на недостижимую высоту* и др.). "Наводнение" литературного языка и художественной

речи диалектизмами. Лагерная лексика (*саморуб, катушка, подсыпки, довесок, сексот, исполнитель* и др.).

В главе IV "Этно-географические моменты в советском языке" перечисляются переименования городов, национальностей, например, удмурты (вотяки), коми (зыряне), ханты (остяки), эвенки (тунгусы) и др.

В главе V "Блатные элементы советского языка" описывается влияние воровского арго и блатной поэзии на разговорную речь (*оторвать, капать, шухер, трепаться, блатмейстер* и др.). Полублат как система иносказаний.

Особенности языка периода Отечественной войны и послевоенного времени. Возрождение архаики, возвращение в пласт высоких понятий слов "Россия", "Русь", "русский". Неологизмы времени войны (*котел, окруженец, костыль, рама, "катюша", щель* и др.). Русификация терминологии в период борьбы с космополитизмом.

В VI главе - об орфографической реформе и ее характере (правописание *е-э, и-ы, е-ё*), написание одной из удвоенных согласных в словах иностранного происхождения.

Грамматические особенности: усиленная номинализация имен прилагательных (*беспризорный, посевная, легковая, сочувствующий*), причастий и порядковых числительных. Вытеснение кратких форм прилагательных полными; упрощение имен числительных и их производных. Громоздкость и уродливость новых аббревиатур (*ВИНО, ОСА, ОКО, ГИМН*). Синтаксические аббревиатуры-эллипсы (*догнать и перегнать, желаю быть на молоке* и др.). Изменения в произносительной системе.

В "Заключении" (гл. IX) говорится о взаимоотношении языка и действительности, вульгаризации языка и тенденциях к нормализации. Общая оценка изменений.

234. Фесенко А. и Т. Характерные особенности русского языка последнего десятилетия // Новый журнал. - Нью-Йорк, 1967. - Т. 89.

Развитие русского литературного языка в 50-60-е годы XX в. С конца 50-х годов - "придание речи чрезмерной сладости" (*конвертик, сахарок, приветик, огурчик, ветчинка, кагорчик, журнальчик*). Возрождение слов *тунядец* (в знач. 'спекулянт'), *фарцовщик* (от *фарт* - 'удача'). Новомодное словечко *культурно*. Распространение арготической лексики (*доходить, стилиага, шмон, придурок*). О слове *эка*, получившем статус существительного и образовавшего прил. *эковский*. Обогащение русского языка

технической терминологией (*зажигание, обтекаемый вираж, спланировать, космический*), нередко иронически окрашенной. Обзор советских работ по культуре русской речи.

235. Франк С.Л. Духовные основы общества: Введение в социальную философию. - Париж, 1930.

О содержании понятий *я, ты, он, мы* в новой западно-европейской философии. По мысли С.Л. Франка, *я* - центр и носитель сознания, *он* - загадка чужого сознания, *ты* - отражение *я*, без которого последнее не существует, как немисливо левое без правого, верхнее без нижнего. *Мы* - духовное, не расчлененное, духовное бытие, общий дух, народная душа. *Мы* - это "единство самой множественности, единство всего раздельного и противоборствующего" (с. 92). *Мы* - некая первичная категория личного человеческого, социального бытия. *Мы* - высшее, всеобъемлющее единство, на основе которого возможно разделение на *я* и *ты* - они. О языке как духовном бытии и средстве общения.

236. Франк С.Л. По ту сторону "правого" и "левого" // Числа / Сборники под ред. И.В. Манциарли и Н.Н. Оцула. - Париж, 1930-1931.

О русской политической терминологии, определившей со времени белого движения противопоставление понятий *белые* (поборники свободы) и *черные* (черносотенцы, националисты, приверженцы кнута и палки). По мнению автора, язык прав, выдвигая такие наименования "взамен истрепанных, изживших себя понятий "правого" и "левого", что "составит центральную тему политической жизни будущей России. Различия между значениями *черный* и *красный* со временем становятся "почти неуловимыми", а *правое* и *левое* уйдут из жизни в учебники истории, где они, успокоясь, найдут себе место "рядом с гвельфами и гибеллинами" (с. 142).

237. Франк С.Л. "Я" и "Мы". (Социально-философский набросок) // Сборник статей, посвященный П.Б. Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. - Прага, 1925.

Критикуя традиционное грамматическое определение *мы* как мн. ч. от *я*, С.Л. Франк отмечает распределенность и противопоставленность этих категорий, где *мы* "есть именно единство категориально разнородного личного бытия - единство "я" с "ты" и "он" с "вы" и "они" (указ. сб., с.

442). Категориальные различия в системе социально-философских понятий: противоборство *я* и *мы* как символов права и власти, Церкви и государства. Соборность, соединение *я* и *ты* в *мы*, согласно С.Л. Франку, пронизывает всю социальную жизнь человечества. Основные положения этого философского этюда были развернуты в книге С.Л. Франка "Духовные основы общества" (Париж, 1930).

238. Ходасевич Вл. Избранная проза. - Нью-Йорк, 1982.

О слове *эйдология*: "Оно означает систематику образов" (с. 198). См. примечание Н.Н. Берберовой: "Вебстеровский словарь дает следующее объяснение термину "эйдология": "наука исследования ментальной образности". Однако термин *эйдология* не привился в нем. "Систематика образов" теперь называется "система образов" (символов, мифов и даже метафор). Слово происходит от греч. *eidon* 'идол' (с. 341).

239. Ходасевич Вл. [Гулливер]. Литературная летопись. - Возрождение. - Париж, 1929. - № 1612, 31 октября.

О засорении русского языка в послереволюционный период неверно употребляемыми словами и выражениями, занесенными с юга. Критика К. Фединым таких словоупотреблений: неразличение *особенно* и *особо*, *одеть* и *надеть*, замена *мочь* глаголом *суметь* ("Сумеете ли вы прийти ко мне", хотя "уметь" тут нечего), *захоронение* вместо *похороны*, *заснять* вместо *снять*, а также *заслушать*, *замотивировать*, *заскакивать* (вм. *вскакивать*) и др. К искажениям отнесены *типаж*, *листаж*, бесконечные -измы: *бытовизм*, *техникизм*, *инстинктивизм*, замена слова непременно словом обязательно". По мнению Вл. Ходасевича, в России есть настоящие идеологи упрощения языка (И. Третьяков, И. Сельвинский и др.), которые содействуют распространению жаргонов и расширению круга "словарно-интернационального ядра". Третьяков предлагает "маневрировать наличными языковыми средствами функционально, т. е. каждому говорить и писать на своем (матросском, крестьянском и др.). Автор приводит слова К. Федина: "Мы ликвидируем неграмотность и насаждаем безграмотность".

240. Ходасевич Вл. Мелочи // Возрождение. - Париж, 1933. - № 2963, 13 июля.

О слове *пожалуй*, которое со второй половины XIX в. стало обозначать нерешительность, неуверенность, пред-

положительность, утратив свой действительный смысл (со-благоволити дать, подарить), став наречием и перестав быть повелительным наклонением глагола. В просторечии оно означает то же, что и пожалуйста, т. е. будь добр, сделай одолжение. В таком значении оно постоянно встречается у старых поэтов, в том числе у Пушкина ("Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру"). В том же значении оно употреблено и в "Евгении Онегине": Онегин так же хладнокровно готовит противнику гибель. Современный читатель ошибочно интонирует ответ Ленского (как его интонировал и П.И. Чайковский).

241. Ходасевич Вл. Молодые поэты // Возрождение. - Париж, 1929. - № 1459, 30 мая.

О языковых ошибках в стихах молодых эмигрантских поэтов. "Штампованное косноязычие". Среди очевидных и распространенных нарушений Вл. Ходасевич отмечает и сдвиги ударения. "Вадим Андреев рифмует *стрем'яна* с Дон-Жуана, тогда как от *стремя* множ. ч. *стремена*, с ударением на последнем слоге. Он же думает, что множ. ч. от слова *простыня* будет прост'ыни и рифмует его с *остынет*. Между тем, от *простыни* множ. ч. *пр'остыни* и *простынь'и* (ударение на первом, либо на третьем слоге). Можно сказать и *прост'ыни*, но это уж будет множественное число от слова *прост'ыня*, что означает совсем другое: простота, простосердечие (также: простосердечный, придурковатый человек: ах ты, прост'ыня).

242. Ходасевич Вл. О "Верстах" // Современные записки. - Париж, 1926. - Т. 29.

Оценка слова *нэл* (с. 435).

243. Ходасевич Вл. Перечитывая Даля // Возрождение. - Париж, 1932. - № 2431, 18 января.

О толкованиях И.А. Бодуэном де Куртенэ слов *декадент*, *декадентка*, *толстовец*. Добавления редактора к словам *оседлость* и *провокатор* оцениваются Вл. Ходасевичем как "бурная публицистика" и "маленькие литературно-политические бури дедовских времен".

244. Ходасевич Вл. Поэтическое хозяйство Пушкина. - Л., 1924.

Полемика с Н. Асеевым по поводу словосочетания *горит себе*, которое Н. Асеев именуется "странной формой". Вл. Ходасевич отмечает его у А.С. Пушкина в "Домике в Коломне" и "Каменном госте" (с. 22).

245. Ходасевич Вл. Пролетарские поэты // Современные записки. - Париж, 1925. - Т. 26.

По мнению Вл. Ходасевича, пролетарские поэты в области формы "не продвинулись дальше поэтики надсоновской поры с ее рубленой ритмикой и расплывчатым словарем" (с. 446). О штампах: капитализм (мир зла), образы мрака, ночи, тумана; мир добра: заря, утро, рассвет, остров грез, кузнец-молотобоец, разорвав ржавые цепи рабства, идет на святой бой. "Ассортимент" красных предметов (маки, кровь, бант, заря). Об употреблении с заглавной буквой слов Закон, Труд, Грядущее, Смерть, Вечное, Откровения и др.

246. Ходасевич Вл. [Гулливвер]. Там или здесь? // Дни. - Париж, 1925. - № 804, 18 сентября.

О двух литературах - в России и за рубежом. По мнению автора, в эмиграции происходит оскудение языка, в Советской России - "словесное фиглярство на областнической основе".

247. Цветаева М.И. Кедр. Апология (О книге С.М. Волконского "Родина") // Записки наблюдателя. - Прага, 1924. - Кн. 1.

То же // Цветаева М. Об искусстве. - М., Искусство, 1991.

То же // Октябрь. - М., 1991. - № 8.

О языке С.М. Волконского.

248. Цветаева М.И. Наталья Гончарова // Воля России. - Прага, 1929. - № 5-6, 7, 8-9.

То же // Прометей: Историко-библиографический альманах серии "Жизнь замечательных людей" - М., Молодая гвардия, 1969.

То же // Цветаева М. Об искусстве. - М., Искусство, 1991.

О слове *иллюстрация*: "непреодолимое отвращение к слову ... Отвращение двойное: звуковое соседство перлюстрации и смысловое: *illustrer*: означивать, прославливать, странным образом вызывающее в нас обратное, а именно: несущественность рисунка самого по себе, применительность, относительность его. Возьмем буквальный смысл (означивать) - оскорбителен для автора, возьмем родовое понятие - для художника ... Есть еще одно значение, мною упущенное: *lustre* - блеск и *lustre* - месячный срок (*douze lustres*, т. е. тот же блеск; месяц. Откуда и люстра. Откуда и *illustre* (славный), так же, как наша "цер-

ковная слава", идущая от светила. *Illustret* - придавать вещи блеск, сияние: осиявать, перлюстрировать - просвечивать (как рентгеном) (Цветаева, Об искусстве. - С. 157).

249. Цветаева М.И. Поэт о критике // Благонамеренный: Журнал русской литературной культуры / Под ред. Д. Шаховского. - Брюссель, 1926. - Кн. 1.

То же // Цветаева М. Об искусстве. - М., Искусство, 1991.

Полемика с Г.В. Адамовичем по поводу языка поэмы "Молодец".

250. Цветник // Дни. - Париж, 1928, № 1355, 11 марта.

Языковые и стилистические ошибки в языке советской печати (например: "К вопросу планирования плановой работы) и художественной литературе (Борис Соловьев, Л. Воронкова, Дм. Петровский и др.). Шапмы ("Пролетарское описание ног: "мускулистые").

251. Цветник // Дни. - Париж. - 1928. - № 1362, 18 марта.

О стиле языка советской печати (газ. "Грозненский рабочий"), литературной критики и поэзии (А.Жаров). Объявляется "анафема" всем, кто будет употреблять выражения: *внутренняя значимость, отображение действительности, выявление* (чего угодно).

252. Цетлин Мих. Рец. на: Ант. Ладинский. Стихи о Европе. - Париж, 1937. Современные записки. - Париж, 1937. - Т. 65.

О языке поэзии Ант. Ладинского - "кружеве слов". По мнению критика, слова в его стихах - "только тени, аллегории чувств и вещей" (с. 430).

253. Цетлин Мих. Рец. на: София Прегель. Солнечный произвол. - Париж, 1937 // Современные записки. - Париж, 1937. - Т. 64.

О стилистических ошибках: "Налетела воробьем детвора" (вместо как воробьи); "город в словом сияньи". "Допустимо ли употребление слова *только* не в прямом его смысле, а для того, чтобы противопоставить некоторые черты пейзажа и оттенить этим словом его фон!

Только растет над крестами
Праздничная синева,
Только лежит под мостами
В светлом наряде Нева (с. 461).

254. Цетлин М. Литературные заметки // Современные записки. - Париж, 1922. - Т. 30.

О языке русской эмиграции, который, "живя своими особыми судьбами, можно было бы сохранить, подобно Канаде". О едином русском языке, "слегка изменившемся или портящемся там, слегка, может быть, застывающем в своем пуризме здесь" (с. 514).

255. Чернов В.М. Перед бурей. - Нью-Йорк, 1953.

О слове *эсеры*, появившемся, по мнению автора, случайно. "Исторически одинаково социалистами-революционерами называли себя и землевольцы, и народовольцы, и чернопеределельцы, даже стоявшие на грани между либерализмом и социализмом "народоправцы" не покидали освященной всей прошлой историей имя социально-революционной партии Народного Права" (с. 110).

256. Шаховская З. В поисках Набокова. - Paris, 1979.

О В.В. Набокове, создавшем "персональный стиль и своеобразный ритм на двух языках" (с. 154). "Он выработал свой стиль, придал ему особую пластичность и ритм совершенно новый в русской литературе" (с. 155).

О "вавилонском смешении языков" в последнем романе В. Набокова "Ада". Писатель "вкрапливает в американский роман слова и выражения русские, французские и даже немецкие, уснащая все аллитерациями, каламбурами и литературными ребусами" (с. 73).

257. Шмелев И.С. Убийство // "Внутренний человек". Рассказы, повести, публикации. - М., 1990.

Негативная оценка речей политических ораторов в революционные годы: "Бряцали побрякушечные слова, совсем опошленные потом тысячами трибунных глоток, - все эти: "кошмары тираний", "вековые цепи рабства", "крестные пути скованной революционной мысли", "все эти "дой", "да здравствует" и "вперед"" (с. 422).

О штампах, клише и "красивостях", "попугайски заученных словечках "пылких чужих речей, занятых напрокат из архива Великой Французской революции" (с. 429).

258. Шмеман А. Памяти В.В. Вейдле // Вестник русского христианского движения / Ред. Н. Струве. - Париж; Нью-Йорк. - 1979.

О слове *культурный*, которое автор определяет как смешное "в своем напыщенном самодовольстве" - оттенке, которое слово *культурный* и *культурно* получили в языке

современной "образованщины". В.В. Вейдле, по словам автора, был не культурным человеком, а "неким поистине чудесным воплощением культуры" (с. 175).

259. Шмидт В.В. Встречи в Тарту // Литературное наследство: И.А. Бунин. - М., 1973. - Т. 84. - Кн. 2.

О русском языке И.А. Бунина (с. 336).

260. Яблоновский В. Русский театр // Возрождение. - Париж, 1927. - № 707.

О необходимости беречь "наш славный сказочно-русский язык - "последнее сокровище эмиграции". Ошибки в разговорной речи: "Вчера я познакомилась с инженером путем сообщения".

261. Якобсон Р., Поморска К. Беседы. - Иерусалим: Изд-во им. И.Л. Магнеса. Еврейский университет в Иерусалиме. - 1982.

Книга содержит записи диалогов-бесед и представлена следующими разделами: I. На пути к поэтике. II. Подступы к фольклору. III. Стих и звуки речи. IV. Роль согласных в открытии фонологической оппозиции. V. Значение международной среды в развитии лингвистической теории. VI. Общая проблематика звуков речи. VII. Временной фактор в языке и литературе. VIII. Пространственный фактор. IX. Время в систематике знаков. X. Понятие признака. XI. Параллелизм. XII. Поэзия и грамматика. XIII. Сходство и смежность в языке и литературе, в кино и в афазии.

XIV. Биография поэта, поэзия и мир. XV. Семиотика. Книга включает список основных работ Р.О. Якобсона.

262. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., Прогресс, 1990.

263. Якобсон Р.О. Доминанта: Перевод составителя из книги *Readings in Russian Poetics*. Ed. by L. Matejka and K. Pomorska. - 1971 // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Издание подготовил Игорь Чернов. - Тарту, 1976. - Вып. 1. - С. 56-63.

О первых трех этапах исследований формалистов: 1) анализ звуковых аспектов художественного произведения; 2) проблемы значения; 3) интеграция звука и значения в единое целое. Доминанта как одно из наиболее разработанных понятий теории русского формализма. "Доминанту можно определить как фокусирующий компонент художественного произведения: она управляет, определяет и

трансформирует остальные компоненты. Доминанта обеспечивает интегрированность структуры" (с. 56). Эстетическая функция как доминанта поэтического произведения, позволяющая определять иерархию разных языковых функций в процессе литературной эволюции.

264. Якобсон Р.О. Избранные работы. - М., Прогресс, 1985. См. список работ Р.О. Якобсона, изданных в СССР в последние десятилетия. 31 название.

265. Якобсон Р.О. К характеристике евразийского языкового союза. - Прага, 1931.

О проблемах современной российской лингвистики. Если раньше сопоставления русского языка с географически смежными языками сводились к рассмотрению словарных заимствований, то теперь "изучаются изменения, которым подвергается русский язык в инородческом применении" (с. 7). "Задача науки, - пишет Р.О. Якобсон, - уловить сопряженность разноплановых явлений, вскрыть и в этой междупланной связанности закономерный строй. Назовем этот путь исследования методом увязки, возводя в научный термин цепкое словечко нынешнего российского лексикона" (с. 5).

266. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Пер. с англ. Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М.: Международные отношения, 1978.

267. Якобсон Р.О. О чешском стиле преимущественно в сопоставлении с русским. - Берлин, 1923.

268. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. - М., Прогресс, 1985.

269. Якобсон Р.О., Богатырев П.Г. Славянская филология в России за годы войны и революции. - Прага, 1923.

Обзор работ, сделанных русскими учеными в области славянского языкознания, этнографии, фольклора, древнерусской литературы. Глава "Язык" включает краткое изложение концепции истории русского языка в исследованиях А.А. Шахматова, В.К. Поржезинского, Р.Ф. Брандта, а также издания трудов Диалектологической комиссии, учебников и лекционных курсов. В главе "Поэтика" рассмотрено содержание "Сборников по теории поэтического языка" и книг Б. Эйхенбаума, В. Жирмунского, В. Брюсова и др. Дается обзор докладов, прочитанных в Российском институте истории искусств, Московском лингвистическом кружке и др. Соответствующим

щие материалы содержат разделы: "Фольклор", "Театр", "Материальная культура" и др.

270. Якобсон Р.О. "Слово о полку Игореве" в переводах восемнадцатого века. - Leiden, 1954.

От составителя

"В настоящее время - русское больше самой России; оно есть особое и наиболее острое выражение современности", - писали в авторском предисловии составители сборника "Версты" (Париж, 1926, кн. 1). Центральное место в русском вне России занял прежде всего язык. Георгий Адамович говорил, что в эмиграции часто произносится слово *катакомбы*: унести, сберечь, сохранить "свистильники веры" - нравственные, духовные ценности (См.: Адамович Г.В. О литературе в эмиграции // Современные записки. - Париж, 1932. - Т. 50. - С. 339).

В изоляции связь с национальным языком ощущалась эмоциональнее: размышления о нем связывались "с русской душой и судьбой". Этим может быть объяснен непреодолимый глубокий интерес к языку в России и озабоченность судьбами своего языкового существования на чужбине. Поглощение русского языка иноязычной средой, попытка в этих условиях уберечь язык от видимых потерь, "застыть в пуризме" - все это встало "в рассеянии" с особой остротой. В арсенале культурных ценностей литературный язык был назван одним из тех феноменов, которые следует сохранить, передав как реликвию следующим поколениям (раскол между эмиграцией и Россией рассматривался как временное явление, а язык при всех особенностях его развития не признавался фатально отчужденным).

Если в нормально развивающемся литературном языке, опирающемся на язык трех поколений, определяющим является языковое сознание среднего поколения, то в эмиграции нормы, правила ограничения диктовало старшее поколение ("охранители"), отодвинувшее границу литературности далеко назад ("до каракозовского выстрела"). Старые нормы на протяжении 20-30-х годов еще сохраняют свою гипнотическую силу. Так, новую орфографию не примет зрительная память, "включающая и аксессуары: книжный шкаф там, в покинутом раю наследственной усадьбы" (Аничков Евг. Правописание и классики // Русская школа за рубежом. - Прага, 1924. - N5-6. - С. 85).

Язык как высшая гуманистическая ценность, национальная субстанция, в которой отразились все грани духовного бытия эмиграции и ее интеллектуального творчества, неизменно находился в сфере различных оце-

нок и истолкований. С.М. Волконский назвал их "духовно-воспитательной цензурой". Они складывались: 1) из неприятия нового, "революционного"; 2) из критики новых явлений, возникших в языке самой эмиграции, воспринимаемых как искажение. Разумеется, в этой системе взаимоотношений были свои противоречия. Отношения к послеоктябрьским изменениям в языке определялось установкой на традицию, негативным отношением к нелитературному слову, узаконенному в 20-е годы в языке советской художественной литературы, публицистике и разговорном обиходе. Многие суждения были непримиримы и бескомпромиссны в возможности допустить вариантность, принять новое.

В эмигрантской печати развернулась широкая критика "советских" словоупотреблений (не только концептивных понятий, но и множества слов, втянутых в актуальный словарь), в том числе шаблонов, возникших "от ущемленного страхом сознания", "большевистского воляпюка" - аббревиатур и сокращений, "этих обрубок, сляпанных из осколков слов". Вяч. Иванов называл их "богомерзким бесивом - невероятными бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи" (Вяч. Иванов. Наш язык (1918) // Из глубины. - Париж, 1967. - С. 177). Многие слова и словоупотребления предреволюционного времени были также включены в разряд "советизмов" и отвергались как искажения, хотя возникли значительно раньше (извиняюсь, планстарный, саботаж, лаборатория творчества и др.).

Показательна система оценок, выстроенная в одной из самых замечательных книг, написанных в 20-е годы за рубежом известным русским лингвистом С.И. Карцевским "Язык, война и революция" (Берлин, 1923). Для С.И. Карцевского - как и для многих других языковедов, обследовавших словарный материал и его трансформации "по свежим следам", - определяющими в процессе изменения норм были социально-политические события, "коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны по-новому дифференцированного общества" (с. 3). Стилистические различия, "связанные с социальным положением говорящих, с их воспитанием, литературной начитанностью и образованностью - все стерлось" (с. 13). Суждения о русском

языке были развернуты в книге С.М. и А.М. Волконских "В защиту русского языка" (Берлин, 1928), в статьях известных эмигрантских писателей, критиков и публицистов М.А. Осоргина, Н.А. Тэффи, П.М. Бицилли, А.Л. Бема, В.И. Талина (Ст. Ивановича), философов (С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова) и др., печатавшихся в журналах "Современные записки", "Воля России", "Числа", на страницах газет "Последние новости", "Возрождение", "Дни" и др. Журнал "Звено" имел специальный раздел для справок ("Цветник"), который фиксировал и "языковые курьезы"; в 1927 г. подобный раздел ввела газета "Дни".

Для русиста-исследователя важны языковые характеристики и оценки в любом жанре, независимо от его назначения. В годы революции и гражданской войны, столкнувшей огромные слои населения, прежде замкнутые сословными рамками, обычаями и традицией, характерной стала реакция на чужую речь. Этот материал нашел отражение и среди описания важных исторических событий.

Высказывания о языке внутренне диалогичны, в них выявляется позиция невидимого собеседника. Литературная речь старой интеллигенции была своеобразным эстетическим феноменом, и диалог о языковых состояниях был и диалогом культур и времен. Эмигранты в условиях диаспоры хотели воспитать русскую языковую личность, раскрыв перед нею духовную силу родного языка и осознание его роли в системе других ценностных категорий. Обособленность, отрыв от живой разговорной речи, установка на письменно-книжную традицию обеспечили известную устойчивость литературного языка у эмиграции "первой волны". Ослабление ее наблюдается во втором поколении, противостоявшем в своем художественном творчестве охранительной политике классиков, что и определило оценки нормативного и допустимости вариантного.

Предлагаемый библиографический указатель с краткими аннотациями материала представляет читателю перечень исследований, статей, замсток, рецензий, дневниковых записей и прочих фрагментов, извлеченных из разных жанров литературной речи, в которых содержатся высказывания русских эмигрантов о языке. Круг источников явно не равноценен. Наряду с монографиями, получившими широкую известность (С.И. Карцевский, С.М. Волконский), и чисто филологическими, научными

исследованиями (Н.С. Трубецкой, Р.О. Jakobson, П.М. Билилли) сюда привлечены и случайные заметки по поводу отдельных словоупотреблений, отмеченные неправильности в устной речи и на письме, т. е. все то, что представляет оценочные суждения, рефлексию над своей и чужой устной речью, определенную лингвистическими правилами, усвоенными нормами или чисто вкусовыми ощущениями.

Материал невелик, разнороден, но сама его публикация, думается, будет полезной для тех, кто будет изучать русский литературный язык XX века. Зачастую мы предпочитали цитировать, а не пересказывать, ибо это рельефнее передает мысль автора. Многие из эмигрантского духовного наследия вернулись на родину, и то, что переиздано и достаточно полно прокомментировано, приводится только как указание на известный источник, без развернутой аннотации. Это обстоятельство связано и с объемом издания. В связи с этим не излагается и содержание некоторых рецензий на учебники и учебные пособия по русскому языку, печатавшихся в журнале "Русская школа за рубежом" в 20-е годы.

Думается, что у исследователей русского языка неизменным останется интерес к условиям его функционирования в диаспоре, ибо русское рассеяние (если так назвать его языковую среду и культуру) в новых исторических условиях продолжает свое существование.